

ГД

25

Ж70

Житченко

А.А.

Преступн.

и ее

факторы

Пбг, 1922г.

115
25
ЖО 70
ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ.

Под общей редакцией проф. А. А. ЖИЖИЛЕНКО.

А. А. ЖИЖИЛЕНКО,
ПРОФЕССОР ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕЕ ФАКТОРЫ.

„МИР ЗНАНИЙ“.
ПЕТЕРБУРГ.—1922.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ.

А. А. ЖИЖИЛЕНКО,

ПРОФЕССОР ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

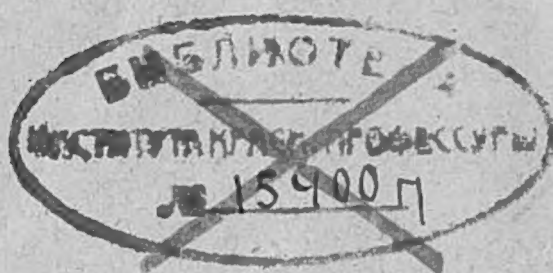
ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕЕ ФАКТОРЫ.

„МИР ЗНАНИЙ“.

ПЕТЕРБУРГ.—1922.

Работою проф. А. А. ЖИЖИЛЕНКО Издательство начинает выпуск ряда книг по насущным вопросам современной общественности, чрезвычайная сложность которой ярко переживается каждым сознательным гражданином. Вопросы права и государственности, преступности взрослых и детей, наконец, взаимоотношения между гражданами в вопросах брака, родительской власти и проч.—наболевшие вопросы русского общества с давних пор, а особенно в эти годы тяжелых переживаний Государства. Таковы мотивы, побуждающие Издательство приступить к изданию и встретившие отклик в среде ученых, представивших свои работы.

Редакция Изд-ва „МНР ЗНАНИЙ“.

625394

Р. В. Ц. № 1143.

Тираж 3000.

Воен. Тип. Шт. Р.-К. К. А: (пл. Урицкого, 10).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Среди вопросов общественной жизни, привлекающих к себе постоянное и неослабное внимание не только ученых специалистов, но и вообще всех тех, кто способен останавливаться с интересом на происходящих перед его глазами социальных явлениях, несомненно видную роль играет вопрос о преступности.

Всем известно, какое сильное внимание уделяет общество факту совершения преступления, и чем важнее и сложнее данное преступление, тем больше интереса оно возбуждает к себе. Стоит только вспомнить, с каким любопытством следит общество за каким-нибудь выдающимся процессом, как интересуется его расследование дела на суде, выяснение часто весьма сложных мотивов преступления и, наконец, постановка приговора, который оценивается как справедливый или несправедливый, в зависимости от господствующих в данное время взглядов на ценность как того правового блага, на которое было направлено преступление, так и того, на которое направляется назначенная судом кара.

С другой стороны, один тот факт, что отражающая интересы реальной жизни художественная литература всех времен и народов отводила всегда заметное место изображению преступления и психологии преступника, показывает, что проблема преступности имеет широкое общественное значение. В этом отношении наша литература в лице Достоевского должна быть поставлена на первый план. „Преступление и наказание“ и „Братья Карамазовы“ навсегда останутся показателем того глубокого интереса, который привлекает к себе преступность, как одно из явлений общественной жизни.

Наконец, всякий, кому приходилось задумываться над явлениями окружающей его социальной жизни, должен был заинтересоваться тем фактом, что, несмотря на не прекращающуюся борьбу с преступностью при помощи самых разнообразных наказаний, она не исчезает, но даже, наоборот, почти всюду увеличивается за последнее время.

Естественно, что, интересуясь фактом преступления, как чем-то таким, что нарушает нормальный ход социальной жизни, каждый мыслящий человек невольно должен поставить себе вопрос о том, что вызывает преступность, какие причины толкают людей на нарушение установившегося общественного уклада и чем объясняется факт существования преступности, несмотря на постоянное применение наказаний.

Но прежде, чем решить этот вопрос, надо ответить на другой—что же представляет собою преступление?

Понятие преступления есть понятие юридическое. Им специально интересуется та область права, которая известна под именем уголовного права. Для исследователя уголовного права, юриста-криминалиста, преступление есть понятие чисто-формальное. Наказуемое правонарушение, вот—сущность понятия преступления, как понятия юридического. Все, что законом запрещено под страхом наказания, образует область преступного. Только закон указывает границы дозволенного и недозволенного. Это положение, незыблемо признаваемое современной юриспруденцией отправной точкой всего уголовного права, лишь постепенно завоевало себе общественное признание. Оно представляется одним из основных требований современного правового строя, а вместе с тем и всей современной культуры, и вытекает из необходимости обеспечения прав личности, которые должны быть ограждены от всяких недозволенных вторжений со стороны государства. Допустимость признания того или иного, хотя бы и вредного для интересов личности и общества, деяния преступным, по усмотрению суда, основывающегося в своем суждении лишь на требованиях совести, без твердого на этот счет указания закона, влечет за

собой полную неустойчивость и необеспеченность прав личности и приносит их в жертву тому или иному пониманию судом вредоносности данного деяния для общества. И это положение должно сохранять свою силу независимо от особенностей общественного и государственного строя. Только в период ломки старого строя и попыток создания вместо него нового, в период упразднения старых законов, служивших иному государственному и социальному строю, может выдвигаться положение о том, что только совесть судьи должна диктовать ему, что подлежит наказанию. Стоит, однако, новому строю окрепнуть, как естественно он прежде всего, в интересах устойчивости самого своего существования, должен выдвинуть положение, запечатленное латинским афоризмом—*nullum crimen sine lege*—нет преступления, если оно не указано законом.

Будучи понятием юридическим, преступление есть понятие относительное и условное. Оно относительно в том смысле, что нет ничего абсолютно-преступного: граница между областями преступного и дозволенного не представляет чего-нибудь незыблемого, раз навсегда установленного. История человечества нам показывает, как постоянно меняется эта граница в зависимости от роста культуры и вытекающего из него признания ценности тех или иных благ личности. Так, напр., было время, когда преступления против религии вызывали против себя самую энергичную расправу — смертная казнь, которая, преимущественно в виде сожжения, была обычным уделом тех, кто посягал на религию. В настоящее время группа посягательств на религию или вовсе исчезла из уголовных законодательств, или сокращена в них до минимума. С другой стороны, можно указать, напр., на то, что было время, когда убийство уродов рассматривалось как деяние дозволенное, так как уроды признавались происходящими от связи с дьяволом. Теперь жизнь человека ограждается, независимо от того, насколько он по своей внешности приближается к среднему нормальному типу человека.

Будучи понятием формальным, преступление охватывает собой самые разнообразные посягательства на интересы индивида или общества, независимо от большей или меньшей степени важности их. Самое маловажное нарушение каких-нибудь так назыв. полицейских предписаний, влекущее притом самое незначительное наказание, все-таки с точки зрения юридической есть преступление. Тяжесть правонарушения не имеет значения для природы преступления, как понятия формального, хотя, конечно, и учитывается при установлении за него в законе наказания.

Понятие преступления является далее условным. Оно условно в том смысле, что всегда могут быть налицо известные условия, при которых деяние, вообще запрещенное под страхом наказания, оказывается дозволенным или извиняемым, разрешаемым, допускаемым. Кто убьет другого, находясь в состоянии необходимой обороны, тот не совершает преступления. Солдат, убивающий в бою неприятеля, точно также преступления не совершает. Лишь поскольку нет в наличности подобных условий, данное посягательство признается преступным.

Анализ преступного деяния, как юридического понятия, имеет огромное значение, притом не только чисто-теоретическое, научное, но и практическое, жизненное. Теоретическое его значение вполне понятно. Всякая гуманитарная наука занимается анализом известных общественных явлений, и насколько существует преступление, как особое явление в области правовой жизни, вполне естественно должен существовать и анализ этого явления, как такового. Но этот анализ получает особенное значение и с точки зрения практической. Каждому гражданину важно знать, каковы пределы свободы его действий, что можно и чего нельзя ему делать, где кончается область дозволенного, и где начинается область запрещенного под страхом наказания. Выяснение содержания отдельных правовых норм с этой точки зрения получает большое практическое значение. Поэтому вполне понятно существование особенной науки, которая зани-

мается анализом преступления, как юридического понятия. Эта наука изучает действующие уголовные законы, выясняет, что в соответствии с ними образует область преступного, критикует эти законы, поскольку они оказываются уже устаревшими и не удовлетворяющими более запросам постоянно идущей вперед жизни, и указывает на то, что желательно в них изменить, и какие законы должны быть созданы на смену тех, которые уже забракованы прогрессирующим правосознанием общества.

Первоначально только этот анализ — анализ преступления, как понятия юридического — и привлекал к себе интерес исследователей. Наука уголовного права занималась рассмотрением преступления вообще, или же отдельных видов преступлений, указывала, какие наказания по закону полагаются за эти преступления, и в каком порядке они должны быть назначаемы. Этим и ограничивались первоначально задачи науки. Между тем, вдумчивый ум человека стал постепенно признавать, что подобного исследования недостаточно. Преступления существуют столько времени, сколько существует и человечество; борьба с ними ведется давно и принимает нередко весьма суровый вид, а между тем они не перестают совершаться. Человечество придумывало все новые и новые формы наказания, но число преступлений от этого не уменьшалось. Мало того, в настоящее время почти всюду замечается особый рост преступности. Раз преступность растет, несмотря на все те мероприятия, которые предпринимаются для борьбы с нею, ясно, что эта борьба не достигает своих результатов, так как она, очевидно, в своей основе поставлена неправильно. Между тем борьба с любым явлением общественной жизни, для нее нежелательным, только тогда достигает благих результатов, когда выяснены корни этого явления, и когда все внимание в этой борьбе направлено на их устранение, или же, если этого достигнуть сразу невозможно, на парализование их действия и на установление известного противодействия им.

Отсюда явилась мысль о том, что борьба с преступностью только тогда может быть рациональной, когда она направлена против тех явлений, которые питают преступность. Надо знать причины преступности, и, только зная их, можно успешно бороться с нею. Иначе ничего достигнуто не будет. Будут придумываться новые формы наказаний, но они будут, так сказать, скользить по поверхности, не задевая самой сути дела. В целом деле, если все внимание направляется лишь на непосредственное воздействие на факт учиненного преступления, и при этом вовсе не затрагиваются те явления, которые вызывают и питают преступность, то понятно, что она от таких приемов борьбы ни сократиться, ни исчезнуть не может.

И вот мы видим, что из науки постепенно исчезает взгляд на то, что преступление должно быть рассматриваемо исключительно как правовое понятие; появляются, мало-по-малу, новые взгляды, новые течения, которые, как это всегда бывает с новыми идеями, являющимися решительным протестом против доселе существовавшего, были формулированы на первых порах черезчур резко и не всегда достаточно обоснованно; однако, с течением времени они получили более правильное и ясное выражение и легли в основу разных практических мероприятий.

Сдвиг и перелом в области исследований вопроса о преступности произошел в 70-х годах прошлого столетия со времени появления работы знаменитого итальянского ученого Чезаре Ломброзо, „О преступном человеке“. Ломброзо первый выставил учение о преступлении, понимаемом не как юридическое, а как естественно-историческое явление. Для него преступление есть продукт ненормальной физической, а вместе с тем и психической организации человека; оно рисуется ему таким же явлением естественного порядка, каким представляются зачатие, рождение и смерть. По его учению, если данный субъект наделен известными дефектами в своей организации, то он тем самым побуждается встать на путь

преступлений. Отсюда выставленное Ломброзо понятие „прирожденного преступника“, как человека, преступность которого обуславливается его дефектным физическим строением. Таким образом была выдвинута точка зрения о том, что преступность имеет своей причиной известный антропологический, индивидуальный фактор: предрасположение человека к преступлению, обусловленное ненормальностями прежде всего в его физическом строении,—вот, что является причиной преступности.

Выдвинув эту новую точку зрения, Ломброзо пытался указать и те внешние физические признаки—аномалии,—которые представляются характерными для природного преступника, при чем в разное время он выдвигал разные признаки, касавшиеся, главным образом, особенностей в строении черепа и мозга, так что представляется затруднительным указать, какому из них он придавал, в конце концов, преобладающее и решающее значение. В этом слабая сторона его учения, и этим подрывается вся стройность его конструкции.

Постепенно критики Ломброзо указали на ряд допущенных им неправильностей в построениях и выводах и на общую ненаучность приемов его исследования. В настоящее время учение Ломброзо, вызвавшее на первых порах большой интерес к новой постановке проблемы преступности и увлечение ею и основавшее особую школу в науке уголовного права—антропологическую—окончательно развенчено строгой научной критикой, и сторонников его в его первоначальном чистом виде мы теперь почти вовсе не встречаем.

Но если тип природного преступника в настоящее время отвергнут, как совершенно-произвольный и научно не обоснованный, то этим еще не подорвана основная мысль Ломброзо о том, что причины преступности коренятся также и в личных особенностях человека. Нужно, впрочем, иметь в виду, что и сам Ломброзо, выставляя свою теорию, указывал на то, что природные преступники далеко не составляют всей массы преступников. Этим устанавливалось, что для остальной их массы причины

преступности надо искать в чем-нибудь другом, а не в особенностях личности преступника. В позднейших своих произведениях Ломброзо указывал уже на то, что причины преступности весьма разнообразны, и личному, индивидуальному фактору он не придавал исключительного значения.

Почти одновременно с появлением учения Ломброзо, начиная с 70-х же годов прошлого столетия, в разных странах появляются работы, которые точно также выходят за пределы исследования преступления, как юридического понятия, но исходной точкой зрения делают анализ преступления, как результата ненормальной организации не индивида, а общества. Мысль эта находит себе выражение в трудах различных криминалистов — русского — Фойницкого, французского — Гарро, немецкого — Листа, бельгийского — Принса. Мысль эта не была совершенно новой. Всякий, кто задумывался над недостатками современной социальной жизни и останавливал свое внимание на преступности, невольно должен был так или иначе ставить в тесную связь оба эти явления. И первые представители социализма в его утопическом выражении — Т. Мор, Сен-Симон, Фурье и Оусн, указывали уже на то, что причины преступлений коренятся в особенностях социальных условий.

Таким образом постепенно возникает учение о преступности, как явлении социальной жизни, порождаемое ее ненормальными условиями. Это учение положено в основу особой школы в науке уголовного права, — социологической. Оно чуждо тех крайностей и произвольных построений, которые мы видим у представителей антропологической школы. По этому учению, преступность находит себе место среди других явлений социальной жизни, и как выясняются их причины и намечаются законы, управляющие их возникновением, развитием и исчезновением, так устанавливаются и причины преступности и делаются попытки формулировать законы, влияющие на возникновение, развитие и исчезновение ее.

Современная наука уголовного права, продолжая оставаться одной из юридических наук и исследуя по-

прежнему преступление, как юридическое понятие, должна была, однако, под напором новых течений, в виду произведенных ими исследований и полученных благодаря им весьма ценных выводов, несколько изменить круг тех вопросов, которые до тех пор подлежали ее изучению, и вот в последнее время на ряду с уголовным правом в тесном смысле этого слова, выдвинулась особая самостоятельная наука, которая получила название уголовной социологии, или же уголовной политики, и которая лучше всего может быть названа уголовной этиологией или учением о факторах преступности. Эта новая наука в своих исследованиях, построениях и выводах использовала тот обширный материал, который был собран статистическими исследованиями о преступности в разных странах, и при помощи его установила ряд положений, которые могли быть применены в практической жизни, так как не надо забывать, что научный анализ преступности, как явления социальной жизни, в своем конечном результате может и должен быть использован ради определенных практических целей. Изучение преступности получает таким образом особый смысл, так как на основании его можно будет построить целесообразную систему мер борьбы с преступностью.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Преступность, как явление общественной жизни, не представляет собою чего-нибудь неизменного для разных эпох и разных стадий развития человечества. Та эволюция, которой подчинены все явления окружающей нас общественной жизни, наблюдается и в области преступности. Правда, немало есть таких преступлений, которые существовали и в прежнее время, существуют и теперь, однако, их интенсивность, распространенность и место, ими занимаемое среди других преступлений, для разных эпох не одинаковы. Общий ход развития культуры, смягчение нравов, развитие техники—все это оказывает свое влияние на преступность. Каждая эпоха кладет свой

отпечаток на преступность и рисует нам преобладание преступности того или другого рода. Прежняя преступность носила несомненно более кровавый характер, нежели современная. Разбойник на большой дороге,— вот типичный преступник прежнего времени. Современная преступность в соответствии с изменением нравов и с духом времени отличается иным характером—ее характеризуют обман, хитрость, коварство в гораздо большей степени, чем кровавый способ действия. Ловкий мошенник—вот типичный преступник современной нам эпохи. Вообще же грубый способ действия в данной сфере так же, как и в других областях жизни, постепенно уступает место более тонкому, требующему особенного проявления умственных сил человека; этот способ действия не имел особого развития и значения тогда, когда физическая сила являлась решающим фактором в разных случаях жизни. Вместе с тем страсть к наживе, порожденная развитием капитализма, вызвала к жизни в наше время изобилие таких преступлений, которые более всего характеризуются мотивом корысти.

Изучение факторов преступности может иметь своим непосредственным предметом прежде всего анализ причин, в силу которых происходят изменения в области преступности по мере развития жизни народов, т.-е. выяснение того, почему исчезли ранее существовавшие виды преступлений, почему появились новые их виды, ранее неизвестные, почему, наконец, изменились внешний вид и форма совершения многих преступлений, которые существовали раньше, продолжают существовать и теперь. Это изучение факторов преступности имеет в виду выяснение их в связи с историей человечества вообще и ростом его культуры в частности. Поэтому в истории культуры в целом или культуры определенного народа должно быть отведено место и исследованию вопроса об изменении его преступности с указанием на причины, вызвавшие это явление.

Но изучение факторов преступности может быть, с другой стороны, приурочено к современной эпохе и мо-

жет иметь своим предметом преступность в том ее виде, в каком она проявляется в настоящее время в разных странах, у разных народов. Изучением последнего рода и занимается уголовная этиология.

Выяснение причин любого социального явления представляет всегда большие трудности, так как в жизни отдельные явления не стоят изолированно: они бесчисленными нитями переплетаются друг с другом и только искусственно могут быть разобщены друг от друга. Вместе с тем, все они, вместе взятые, представляются одной бесконечной вереницей, будучи лишь разной величины звеньями в длинной цепи причин и следствий.

С другой стороны, нужно считаться с тем, что факторы любого явления отличаются крайним разнообразием. И чем сложнее изучаемое явление, тем сложнее и его факторы, тем больше, вместе с тем, их разнообразие. В виду этого, изучая эти факторы, надо, с одной стороны, учитывать их большое разнообразие, а, с другой, не упускать из вида, что все они действуют, тесно переплетаясь друг с другом и оказывая друг на друга определенное воздействие. Вся совокупность этих факторов вызывает данное общественное явление, и часто мы не в состоянии определить, который из них имеет преобладающее влияние. Определить удельный вес каждого из таких факторов, вызывающих совместно с другими данное явление, подчас задача не выполнимая, да и едва ли особенно плодотворная. Еще можно говорить о преобладающей роли отдельных групп факторов, но установить преобладающее и исключительное значение какого-нибудь отдельного фактора дело весьма нелегкое.

Останавливаясь на рассмотрении факторов преступности и заранее представляя себе их большое разнообразие, мы естественно должны свести их к определенным группам, имея в виду, что всякая наука должна систематизировать изучаемые ею явления.

Все факторы преступности можно разбить на три группы: это 1) факторы, коренящиеся в окружающей нас природе—факторы физические или космические, 2) фак-

торы, заключающиеся в индивидуальных особенностях данной личности,—факторы антропологические или индивидуальные, и, наконец, 3) факторы, лежащие в условиях окружающей нас среды,—факторы социальные или общественные.

Значение каждой из этих групп факторов неодинаково.

Факторы космические, т. е. причины преступности, которые кроются в окружающей нас физической природе, имеют в настоящее время минимальное значение, так как современный человек значительно уже освободился от непосредственной своей зависимости от природы и научился бороться с неблагоприятными для себя ее влияниями. С общим ростом цивилизации и с связанным с нею развитием технических знаний человек довел до возможного минимума свою зависимость от природы; однако, эта зависимость, как она ни мала в современных условиях жизни, все-таки совершенно не исчезла, и ее приходится учитывать при изучении причин преступности.

Факторы антропологические или индивидуальные точно также в настоящее время не имеют преобладающего значения, хотя с точки зрения представителей антропологической школы им присваивается особенно выдающаяся роль. Значение индивидуальных факторов парализуется тем, что человек живет в обществе, которое накладывает на него свою печать: человек приспособляется к условиям той социальной среды, в которой он живет; она оказывает свое мощное влияние на него. Человек, как член общежития, так сказать, поглощает человека, как индивида. Но особенности личности человека, как индивида, несомненно играют роль и в выработке его особенностей, как члена общежития, и потому должны быть постоянно учитываемы—иначе мы не можем объяснить, почему люди, развивающиеся и растущие в одинаковых внешних условиях, оказываются неодинаковыми по своему характеру, по своим склонностям и по своим поступкам, вызываемым этими склонностями. Игнорировать таким образом эту группу факторов было бы ошибочно.

Третья группа факторов—факторы социальные. Это самая могущественная группа факторов преступности. Они несомненно важнее всех остальных; они, вместе с тем, и разнообразнее по своему содержанию, чем все остальные. Среди них особенно видное место занимают факторы экономические, но к одним только этим факторам нельзя свести всю сложность причин преступности. Если бы вся область преступности исчерпывалась исключительно преступлениями имущественного характера, порождаемыми обычно, хотя и не всегда, корыстными побуждениями и страстью к наживе, то, пожалуй, еще можно было бы говорить о том, что только эти факторы порождают преступность, но так как область преступности вообще гораздо шире области имущественных преступлений, то необходимо считаться на ряду с экономическими и с другими факторами.

В связи с группировкой факторов преступности надо еще отметить то обстоятельство, что, хотя и имеются факторы, которые проявляют свое влияние на преступность вообще, однако, на ряду с ними существуют и такие, которые влияют лишь на преступность определенного рода: первые таким образом влияют на интенсивность преступности, на ее рост и размер, вторые—на ее качество, на характер преступной деятельности. Имущественное неравенство, напр., является общим фактором преступности, безотносительно к характеру отдельных преступлений, тогда как профессия заметно влияет на преступность определенного рода; точно также местожительство человека, то обстоятельство, что он проживает в городе или в деревне, кладет свой отпечаток на характер преступности: преступность городская и преступность деревенская не представляются однородными. Даже одно и то же преступление нередко неодинаково совершается в городе и в деревне. Напр., приемы совершения кражи иные у горожанина, чем у жителя деревни, что, конечно, находится в зависимости от особенностей тех условий жизни, в которых совершаются городские и деревенские кражи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Космическими факторами преступности являются температура воздуха и климат страны.

Каждый из нас по собственному опыту знает, что наше настроение часто меняется в зависимости от состояния температуры воздуха. Наше самочувствие в теплый, солнечный и в холодный, мрачный, дождливый день не одинаково. Этого самонаблюдения, однако, еще недостаточно, чтобы установить зависимость преступности от температуры воздуха. Для этого необходимо обладать более точными данными, и такие данные предоставляет в наше распоряжение статистика распределения преступности по отдельным месяцам и временам года.

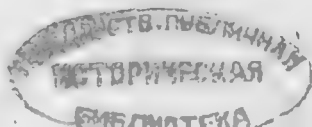
Уголовная статистика отдельных стран рисует нам отчетливую картину зависимости преступности от этого фактора. Работы нашего криминалиста Фойницкого и итальянского Ферри устанавливают весьма любопытные положения в этом отношении. Оказывается, что преступления против личности своим максимумом падают на жаркое время года, а преступления против имущества на холодное, и, наоборот, минимум первых приходится на холодное время, а максимум последних на жаркое. В России, напр., наибольшее число преступлений против личности падает на июль, наименьшее на март, максимум же преступлений против имущества приходится на декабрь, а минимум—на апрель.

Конечно, преобладание преступлений против имущества в холодное время года можно объяснить не только влиянием фактора физического, но и социального. Само собой разумеется, что зимой находить себе средства существования и кров несомненно труднее, чем летом. Таким образом, игнорировать значение социального фактора в этом случае нельзя. Обеспеченный человек зимой более приспособлен к борьбе за существование, чем бедный. Но что касается преступлений против личности, то здесь значение социального фактора, влияние бы-

товых условий, сводится до минимума. Разумеется, нельзя отрицать того, что летом люди имеют возможность чаще, чем зимой, встречаться, а потому и сталкиваться друг с другом, однако, этого еще недостаточно, чтобы объяснить преобладание преступности этого рода в жаркое время года.

Особенно интересны в этом отношении те данные, которые касаются преступлений против нравственности. В отношении этой группы преступлений влияние социального фактора сводится, можно сказать, к нулю, но тем разительнее здесь влияние фактора космического. Преступления против нравственности начинают заметно возрастать с наступлением весны, затем рост их все увеличивается, достигая своего максимума в отдельных странах в июне или июле; после этого число их начинает падать, при чем в зимнее время года оно настолько понижается, что по сравнению с максимумом их минимум оказывается вдвое меньше. Из этого факта нельзя не усмотреть, что данные преступления, в основе которых лежит половая возбудимость, находятся под сильным влиянием космического фактора. Любопытно с этим сопоставить еще то, что число зачатий вообще приходится своим максимумом на май или июнь, а соответственно этому детоубийства, объектом которых являются новорожденные, падают своим максимумом на февраль или март.

Отрицать при наличии приведенных данных, зависимость, которая имеется между преступлениями против личности и температурой воздуха, не приходится. Во всяком случае, влияние температуры на преступления против личности заметнее, чем на преступления против имущества. Последние, как только что было указано, несомненно более подчинены фактору социальному, так как главным мотивом имущественных преступлений является корыстный мотив. И интересно отметить, что чем менее резко выражен в той или иной группе имущественных преступлений этот мотив и чем, наоборот, сильнее в них преобладают те мотивы, которые свойственны пре-

ступлениям против личности, тем заметнее здесь влияние космического фактора и тем в большей степени здесь замечается приближение к той зависимости от температуры, которая характерна для группы преступлений против личности. Так, из общей массы преступлений имущественных выделяются повреждение чужого имущества, в частности повреждение посредством огня—поджог. Эти преступления чаще всего совершаются по мотивам личного характера—гнева, мести и т. п., реже из корысти. Оказывается, что они в своей зависимости от температуры ближе подходят к преступлениям против личности, чем к остальным имущественным преступлениям. Их преобладание замечается в летние и отчасти в осенние месяцы.

Другим космическим фактором преступности является климат страны. Несомненно климатические условия оказывают свое влияние на расовые особенности, а это, в свою очередь, отражается на преступности страны. Всем известно, что характер народов, живущих в северных странах, не похож на характер жителей юга. Однообразная и угрюмая природа севера, с одной стороны, и яркая жизнерадостная природа юга, с другой, отражаются на характере обитателей севера и юга, а, вместе с тем, и на склонности их к преступности того или другого рода, и чем больше преступность зависит по своим особенностям от темперамента человека, тем заметнее в этом случае влияние климата страны. Относительно имущественных преступлений, в которых темперамент человека отражается сравнительно мало, это влияние почти не может быть установлено, но для преступлений против личности его несомненно можно проследить. В этом отношении особенно характерно распределение убийств по отдельным странам. В Италии приходится 6,6 убийств на 100.000 населения, в Испании 4, а в других странах 1 и менее.

Учитывая значение космического фактора преступности в качестве самостоятельного фактора, мы должны, однако, помнить, что влияние его в современной жизни

весьма не велико и поглощается влиянием факторов социальных. Но как бы мы ни признавали его влияния незначительным, мы все же не можем говорить, что этого фактора вовсе не существует. Поэтому при общем обзоре факторов преступности ему необходимо уделить надлежащее место, не преувеличивая его влияния, но, вместе с тем, и не исключая его вовсе из числа прочих факторов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Следующую группу факторов преступности составляют факторы индивидуальные или антропологические, т. е. те причины преступности, которые коренятся в особенностях данного индивидуума, данной личности.

Эти факторы могут быть сведены к следующим явлениям: а) физические и психические особенности организации человека вообще и дефектные особенности в частности, б) раса, в) пол и г) возраст.

Физические и психические особенности организации человека несомненно оказывают влияние на его склонность к преступности. То, что образует особый характер данной личности, в особенности то, что унаследовано ею от предков, без сомнения влияет на характер ее деятельности. Как уже указывалось раньше, особая школа в науке уголовного права—антропологическая—придавала особенное значение физическим и психическим свойствам личности, выдвигая учение о прирожденном преступнике, обладающем определенными дефектами своей физической и психической организации. Так далеко идти, однако, нельзя; но, с другой стороны, нельзя вовсе отрицать значения индивидуальных особенностей человека. От того, является ли по своей организации данный человек легко доступным раздражению, зависит его большая или меньшая активность, проявляющаяся и в области преступности. В этом случае, без сомнения, играет большую роль наследственность. Нельзя только утверждать, что наследственно передаются склонности

к преступности. Если мы иногда и встречаем в пределах одного семейства целые поколения лиц, которые характеризуются как умалишенные, преступники и проститутки, то надо иметь в виду, что наследственно могут передаваться такие физические особенности человека, в частности дефекты его физической организации, которые содействуют нравственному падению людей и попаданию их на путь порока и преступления. Это—люди, наделенные слабостью волевых импульсов, не могущие противостать соблазнам жизни. При этом не следует упускать из виду, что общие социальные условия содействуют проявлению этого индивидуального фактора. Попадая в неблагоприятную жизненную обстановку, вращаясь в такой среде, которая может только содействовать дальнейшему его падению, человек с шаткими нравственными устоями, наделенный наследственными дефектными чертами, гибнет и идет по пути преступлений. Значение данного фактора и самое существование его может быть в особенности доказано фактом детской преступности. Нередко наблюдаются случаи преступности детей, растущих в самых благоприятных условиях жизни, в семье, обладающей вполне достаточными материальными средствами. Преступность детей в этом случае не может быть объяснена влиянием социальных факторов, так как, если вообще влияние окружающей среды на детей очень велико, то в данных условиях оно, казалось бы, должно быть особенно благоприятным. От той обстановки, в которой растет ребенок, обыкновенно зависит то, во что он превратится с течением времени. Но иногда и самые благоприятные условия не в состоянии искоренить врожденных склонностей человека, благодаря которым он становится преступником.

Другим индивидуальным фактором преступности является раса, т. е. принадлежность человека к известной расе, или, более узко, к определенной национальности или к определенному племени. Правда, расовые особенности людей с течением времени сгладились, а, с другой стороны, чистых рас, в пределах которых изу-

чается явление преступности, почти не осталось, вследствие скрещивания их, но, тем не менее, нельзя не считаться с расой, как с фактором преступности. Нужно только иметь в виду, что влияние расы, как фактора индивидуального, поглощается влиянием тех социальных условий, в которых живет та или другая раса.

В этом отношении любопытно привести данные, касающиеся распределения преступлений против жизни в отдельных областях Италии. Число этих преступлений значительно больше на юге Италии, чем на севере. Так, Сардиния по количеству убийств превышает Ломбардию в 14 раз. И для объяснения этого факта нельзя не учитывать того обстоятельства, что население севера и юга Италии не одинаково по своему происхождению. На севере заметно влияние германских племен, на юге—берберов и арабов.

Наконец, для доказательства того, что раса является фактором преступности, можно указать на особенность преступности евреев, которые представляют собою сравнительно чистую расу. Если сопоставить еврейское население с христианским, что в общем совпадает с различием между семитами и несемитами, то можно заметить, что еврейская преступность в общем в отдельных странах ниже преступности других национальностей, в особенности если принять во внимание распределение населения той или иной страны между евреями и не-евреями. Так, напр., по данным германской уголовной статистики оказывается, что на 100 осужденных евреев приходилось в период 1882—1891 г.г. 131, а в период 1892—1901 г.г. 116 христиан. Объяснение меньшей преступности евреев может быть, конечно, найдено не в каких-нибудь их расовых особенностях, а в том факте, что в религиозных общинах, живущих более замкнутой жизнью, моральные устои более крепки, чем в тех, где религиозные связи расшатаны, и где религия сама по себе не играет роли связующего звена. История евреев с гонениями на них вызвала их сплоченность и обособленность от других национальностей но если

вообще еврейская преступность ниже христианской, то, с другой стороны, есть отдельные виды преступлений, где она, наоборот, выше не-еврейской. Это, с одной стороны, преступления против имущества, вытекающие из эксплуатации чужого экономического положения, а с другой—оскорбление чести. В области таких преступлений, как ростовщичество и банкротство, еврейская преступность значительно выше не-еврейской. По той же германской статистике оказывается, что на 100 осужденных вообще евреев в 1892 — 1901 г.г. приходилось 1300 осужденных за ростовщичество и 890 за банкротство. Однако, повышенная еврейская преступность в данной сфере не вытекает из каких-нибудь расовых особенностей евреев. Названные преступления находятся в тесном соотношении с профессией лица, а так как в силу опять-таки исторических условий профессией торговцев сравнительно больше занимаются евреи, чем не-евреи (в Германии, напр., торговлей занималось 9,64% всего населения, и 54,16% специально еврейского населения), то понятно преобладание в этой сфере преступности евреев. Совсем другое дело представляет оскорбление чести. В этой области влияние социального фактора подметить трудно, между тем здесь преступность евреев значительно выше, чем преступность христиан. По германской статистике; в 1891 г. на каждые 100000 человек уголовно-совершеннолетнего населения приходилось осужденных одного и того же вероисповедания: евангелического — 125,9, католического — 129,6 и иудейского—181,8. Большая преступность евреев в этом случае может быть объяснена только особенностями их национального характера. Их большая впечатлительность и живость, что вообще наблюдается у южан, приводит их легко к возбудимости, а это влечет за собой случаи личных столкновений, из которых вырастают личные оскорбления. Любопытно еще сопоставить с этим тот факт, что среди преступности евреев видное место занимает, по крайней мере, в Германии дуэль. Обычай дуэли, сам по себе взятый, связанный с средневековым рыцар-

ством, конечно, не мог привиться у евреев, но, тем не менее, евреи дерутся на дуэли в Германии чаще, чем лица других национальностей: они в пять раз чаще христиан принимают участие в поединках. Так как дуэли возникают, главным образом, из стремления смыть нанесенное оскорбление, то понятно, что особенно сильное участие евреев в этом преступлении может быть объяснено так же, как и преобладание в еврейской преступности оскорблений.

Третьим индивидуальным фактором преступности является пол. Хотя в общей массе населения распределение по полу представляет в общем картину почти равного числа мужчин и женщин с незначительным, по крайней мере, до последней войны, преобладанием в отдельных странах женщин, однако, если обратить внимание на распределение преступности по полу, то можно сейчас же заметить, что мужская преступность значительно выше женской. Самое соотношение мужчин преступников и женщин преступниц в разных странах неодинаково. В Бельгии на 100 мужчин преступников приходится 25,1 женщин преступниц (1901 г.), в Англии 21,3 (1905 г.), в Италии 20,7 (1900 г.), в Германии 15,6 (1907 г.), во Франции 13 (1905 г.), в России 11,45 (1906 г.). Эти данные ясно устанавливают факт меньшего участия женщин в преступности страны, чем мужчин. Необходимо только иметь в виду, что действительная преступность женщин должна быть несколько выше, чем это вытекает из приведенных данных; дело в том, что приговоры уголовных судов по отношению к женщинам обыкновенно бывают более снисходительными, чем к мужчинам. Так, в России на 100 обвинявшихся мужчин приходится осужденных 64,4, а на 100 женщин—всего 53,5; в Англии из 100 обвинявшихся мужчин было осуждено 82, а из 100 женщин—79; точно также во Франции число оправдательных приговоров на 100 обвинявшихся мужчин составляет 6,7, а на 100 женщин—9,3. С другой стороны следует считаться еще и с тем, что пострадавшие от преступлений обнаруживают вообще меньшее расположение жаловаться на женщин, чем на мужчин.

Из приведенных данных в общем можно усмотреть, что чем культурнее страна и чем больше в ней участие женщины на арене общественной жизни, тем выше ее преступность. Это в особенности бросается в глаза, если сравнить преступность женщин в отдельных неодинаковых в промышленном отношении частях одной и той же страны. В России женская преступность была значительно выше в районе бывшего царства польского, чем в других губерниях и областях, что находится в связи с более сильно развитой промышленностью данного района. Наоборот, наименьшая преступность женщин падала на восточные губернии, населенные мусульманскими народами, у которых женщина была вовсе устранена от общественной деятельности. Однако, все это подчеркивает лишь, что в данном случае мы имеем дело с полом, как социальным, а не индивидуальным фактором преступности. Общественное положение женщины несомненно отражается на ее преступности, и этого отрицать нельзя.

Факт меньшей преступности женщин по сравнению с мужчинами давно уже обратил на себя внимание исследователей, и мы видим ряд попыток объяснить причину этого явления. Некоторые писатели объясняли его превосходством женщины перед мужчиной в нравственном отношении; однако, этого превосходства ничем доказать нельзя, в особенности если иметь в виду, что женщина совершает такие же тяжкие преступления, как и мужчина. Были и другие объяснения этого явления. Так, Ломброзо выставил оригинальное учение о том, что женская преступность ниже мужской вовсе не потому, что женщина нравственнее мужчины; напротив, по его мнению, женщина во всех отношениях, в том числе и в нравственном, ниже мужчины, так как она представляет собою еще неполне развившегося человека. Женская преступность, по его словам, ниже мужской потому, что при прочих равных условиях порочность женщины находит себе выход не в преступности, а в торговле своим телом, в проституции. Проституция является в этом отношении своего рода отдушиной для порочности жен-

щины. Женщины преступницы дополняются проститутками. Приняв их во внимание, придется считать женщин не менее преступными, чем мужчин. По поводу этого рассуждения надо заметить, что в общем женская преступность настолько ниже мужской, даже в тех странах, где она достигает наиболее высокого уровня, что, если бы даже признать, что недостающее число женщин должно быть пополнено проститутками, пришлось бы предположить всюду необыкновенное развитие проституции — такое развитие, которое едва ли соответствует действительности. Нельзя, конечно, отрицать того, что при той пролетаризации масс, которая является результатом современного капиталистического строя, рост проституции вполне понятен, но все-таки нет оснований думать, что он достигает тех колоссальных размеров, которые пришлось бы допустить, если бы мы вздумали объяснить более низкий процент женской преступности по сравнению с мужской сильным участием женщин в занятии проституцией. Нельзя при этом не считаться с тем, что проституция сама по себе не рассматривается в современных законодательствах как преступление. Проституция признается промыслом безнравственным, но проститутка не подлежит наказанию за одно лишь занятие этим промыслом. Обыкновенно наказывается соучастие в проституции, сводничество, но не самая проституция. С другой стороны, если исходить из того положения, что женская преступность дополняется проституцией, то следовало бы и к преступности мужчин присоединить их порочный, разгульный образ жизни, но при таком решении вопроса преступный элемент среди мужчин настолько бы возрос, что снова оказалось бы, что мужская преступность выше женской, даже если бы в последнюю была включена проституция.

Неодинаковое участие женщины и мужчины в преступности должно быть объяснено прежде всего их неодинаковым социальным положением. Но если это так, то, казалось бы, о поле, как о факторе индивидуальном, и вовсе не следовало бы упоминать. Однако, такое ре-

шение вопроса было бы неправильно, потому что оно игнорировало бы ряд определенных видов женской преступности, которые не могут быть объяснены социальным положением женщины. В самом деле, преобладание мужской преступности над женской наблюдается не во всех областях. Есть сферы, где женская преступность выше мужской; это мы наблюдаем прежде всего в области преступности, направленной против детей. Детоубийство, подкинутие детей, изгнание плода—вот сфера, в которой женщина проявляет себя сильнее, чем мужчина. Эти преступления тесно связаны с природой женщины, как таковой, с человеком, который наделен функцией рожать и кормить детей. Непосредственное тесное общение женщины с ребенком, возникающее из самой ее природы, вызывает ту близость к нему, которой нет и не может быть у мужчины, а вместе с тем и создает легкую возможность совершать те агрессивные действия по отношению к ребенку, от которых мужчина оказывается самой природою непосредственно удаленным. Но этого мало. Следует иметь в виду, что большинство подобных преступлений, напр. детоубийство, совершается матерями в таком состоянии их физического, а вместе с тем и умственного здоровья, которое не может быть названо вполне нормальным. Законодательство даже принимает во внимание это так назыв. соматическое состояние, как основание для смягчения ответственности за детоубийство. Это состояние свойственно только женщинам в силу особой их физической организации. Вообще же следует заметить, что все явления, тесно связанные с половой жизнью женщин, отражаются на ее преступности. Период беременности, роды, послеродовой период, период полового созревания, период менструаций, период их прекращения, так назыв. климактерический—все это должно быть принято во внимание при анализе женской преступности. Так, напр., нельзя не подчеркнуть того, что среди женщин, совершающих поджог, замечается преобладание девушек определенного возраста. У нас на 100 женщин, совершивших поджог, приходится 139 женщин в

возрасте 12—18 лет. Очевидно, эпоха полового созревания женщины оказывает влияние на ее преступность в данной сфере. С другой стороны, подмечено, что кражи из больших магазинов в Париже совершаются женщинами преимущественно в период менструаций, а такие преступления, как оскорбления, нарушения домашнего мира, принуждение, угрозы падают своим максимумом на возраст от 40—50 лет; они находятся в связи с климактерическим периодом, во время которого женщины становятся особенно раздражительными и проявляют особенную агрессивность. Наконец, нельзя не учесть еще одного обстоятельства. В общем женщина физически слабее, чем мужчина, и это заметно отражается на ее преступности; в области тех преступлений, которые для своего выполнения требуют проявления особенной физической силы, участие женщин меньше, чем мужчин. Напр., если сравнить область кражи и область разбоя, то придется признать, что в первой женская преступность более интенсивна, чем во второй, которая требует особенной физической силы и энергии. Словом, как бы мы ни признавали важным значение пола, как социального фактора или, вернее, социального положения женщины, мы, тем не менее, не можем отрицать на основании всех приведенных данных того, что в определенных случаях выступает пол, как фактор индивидуальный.

Последний индивидуальный фактор преступности—возраст. Так как с возрастом человека обычно бывает тесно связано его социальное положение, то поэтому можно принимать в расчет возраст, как фактор социальный; однако, в определенных случаях, нельзя не признавать значения его и как фактора индивидуального. Правда, нельзя говорить, что такому-то определенному возрасту свойственны исключительно преступления определенной категории; однако, интенсивность преступности того или иного рода представляется неодинаковой по отдельным возрастам, при чем здесь нельзя не усматривать на ряду с социальными условиями влияния особенностей, свойственных определенному возрасту, как таковому.

В общем надо иметь в виду, что максимум преступности падает обычно на возраст от 20 до 30 лет—полный расцвет физических и психических сил человека; так, в России в период 1889—1893 г. на этот возраст пришлось 30,1% всех преступлений; притом, если для мужчин этот максимум падает на возраст от 21 до 25 лет, то для женщин на возраст от 30 до 40 лет, так как вообще женщина позже вступает на путь преступлений, чем мужчина. С повышением возраста замечается в общем улучшение экономического положения человека по мере того, как он с годами приобретает постоянный заработок и определенное социальное положение. Поэтому более зрелый возраст влечет за собой понижение преступности. Так, в России на возраст от 30 до 40 лет падает лишь 26,4% всех преступлений, а на возраст от 40 до 50 лет всего лишь 16,9%. Таким образом, при рассмотрении возраста, как фактора преступности, постоянно приходится считаться с значением социальных условий. Но роль возраста, как фактора индивидуального, вполне ясно вытекает из факта преобладания некоторых преступлений в определенном именно возрасте, прежде всего более молодом. Те преступления, которые требуют для своего выполнения большей физической и умственной силы, свойственны более зрелому возрасту; напр., разбой и мошенничество встречаются среди взрослых чаще, чем среди молодых людей, а кража наоборот—она является преобладающим преступлением более молодых людей. Так, в Германии (1896 г.) на 100000 уголовно-совершеннолетнего населения приходилось совершивших кражу 325,3 в возрасте от 14 до 18 лет и 202,1 в возрасте в 18 лет и выше; тогда как мошенничество для первого возраста давало 37,6, а для второго 66; точно также в Австрии (1896—1900 г.) кража давала для возраста от 14 до 20 лет 134, а для возраста 20—30 лет 128 преступников, тогда как мошенничество давало для тех же возрастов 12 и 23 осужденных. В России (1880—1889 гг.) на 1000 преступников приходилось осужденных за кражу: 1746 малолетних, 1578 не-

совершеннолетних и 1474 совершеннолетних; осужденные же за другие виды похищения имущества (в том числе разбой и мошенничество) дали для соответственных возрастов 25, 30 и 133 осужденных. С другой стороны, на возраст, как на индивидуальный фактор, указывает преобладание преступлений против нравственности в том возрасте, когда появляется половая зрелость. Половые преступления своим максимумом всюду падают на несовершеннолетний возраст. Так, в Германии на 100000 уголовно-совершеннолетних, осужденных за изнасилование детей, приходилось в возрасте от 14 до 18 лет—21,4, а в более взрослом возрасте 11,6, в Австрии для половых преступлений возраст от 14 до 20 лет давал 14,5, а возраст от 20 до 30 лет 7,2; в России на 1000 преступников приходилось осужденных за изнасилование 83 несовершеннолетних и 38 совершеннолетних. Наконец, нельзя не обратить внимания на то, что и престарелый возраст отчасти проявляется в специфической для него области преступности. Именно преступления половые в этом возрасте встречаются относительно чаще, чем другие преступления. Так, в Германии число осужденных в возрасте свыше 70 лет для кражи и оскорбления составляют $\frac{1}{13}$ — $\frac{1}{14}$ числа осужденных за те же преступления в возрасте от 50 до 60 лет, для изнасилования же это число доходит до $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$.

Как вытекает из всего только-что сказанного, влияние факторов индивидуальных постоянно переплетается с влиянием факторов социальных, но как бы ни было велико влияние последних, нельзя обходить молчанием при анализе всех причин преступности и факторов индивидуальных. Не следует только преувеличивать их роли и значения и нужно помнить, что ни один фактор не действует изолированно и независимо от других.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Последнюю группу факторов преступности, наиболее влиятельную по своему значению, образуют факторы

социальные или общественные, т.-е. те причины преступности, которые коренятся в различных условиях социальной жизни. Эти факторы отличаются крайним разнообразием, как разнообразна в своих проявлениях и сама общественная жизнь. Их, в свою очередь, можно разбить на две группы: одну образуют факторы, которые можно назвать био-социальными, другую—факторы социальные в тесном смысле. Первая группа, это—те причины преступности, которые тесно связаны с положением личности в данной социальной среде.* Здесь личность оказывает свое влияние на преступность не как физическая особь, а как член данного социального общения. Такими факторами являются: 1) семейное положение, 2) образование, 3) профессия и 4) местожиительство. Все эти обстоятельства, тесно связанные с положением личности в обществе, оказывают в разной степени воздействие на преступность, при чем это воздействие сказывается не столько на преступности вообще, сколько на преступности определенного рода: не столько количественный рост преступности вообще находится в зависимости от этих факторов, сколько качественная ее сторона.

Семейное состояние в качестве фактора преступности можно изучать в двояком отношении: можно считаться или с влиянием брака на преступность, или же с влиянием на нее семьи. В первом отношении приходится учитывать число преступников, состоящих и не состоящих в браке, во втором—число рожденных в браке и вне брака.

Вопрос о влиянии брака на преступность вызывает споры, и если можно встретить в литературе взгляд, придающий браку безусловно облагораживающее влияние, то, с другой стороны, можно найти и более осторожное отношение к подобному решению вопроса. Облагораживающее влияние брака усматривается в том, что брак будто бы способствует понижению преступности; однако, если обратить внимание на соотношение брачности и преступности, то можно заметить, что не всегда брак имеет такое

значение. В общем можно констатировать, что среди женатых преступность ниже, чем среди не состоящих в браке. Так, в Германии холостые и незамужние дают 53% общего числа преступников, состоящие в браке 43%, вдовы и разведенные 4%. В Австрии (1903 г.) на 100000 населения соответственного семейного положения среди осужденных мужчин было—холостых 51,2%, женатых 20,9%, вдовых и разведенных 18,8%, а среди осужденных женщин—незамужних 7,2, замужних 5,1, вдов и разведенных 4%. Однако, в России замечается обратное соотношение, именно за период 1874—1893 гг. на 100 осужденных общими судебными местами приходилось мужчин: холостых 34,5, женатых 62,1, вдовцов 3,3, разведенных 0,1, а женщин—незамужних 42,2, замужних 44,6, вдов 12,9 и разведенных 0,3. Эту особенность России легче всего можно объяснить тем, что у нас вообще преобладают ранние браки. Между тем оказывается, что, если вообще преступность выше среди лиц, не состоящих в браке, то обратное замечается в отношении лиц, рано вступивших в брак. Их преступность сравнительно выше. По данным германской статистики для возраста от 18 до 25 лет число женатых и замужних среди преступников значительно выше, чем число холостых и девиц; особенно высоко оно для возраста от 18 до 21 г.— в этом возрасте на 100.000 населения холостые дают 2994,5 преступников, а женатые 6413, девицы же 415, а замужние 602,5. Это явление можно объяснить тем, что раннее вступление в брак часто бывает соединено с недостаточным материальным состоянием. Прочное и достаточно обеспеченное состояние человек приобретает в современных условиях сравнительно поздно, в более зрелом возрасте. Тяжелое же экономическое положение, нужда, является одним из важнейших факторов преступности.

Как видно уже из приведенных выше данных, самое влияние брачности на преступность не представляется одинаковым для лиц разного пола, и если мужчина в отношении преступности вообще выигрывает, вступая в

брак, так как его преступность уменьшается, то женщина, наоборот, проигрывает—ее преступность увеличивается. Так, германская статистика показывает, что в то время, как для мужчин число женатых преступников в более зрелом возрасте меньше числа холостых (для возраста от 25 до 30 лет женатые дают 2504,7 преступников, а холостые 2950,9; для возраста от 30 до 40 лет женатые 1961,2, а холостые 2880,9 на 100000 населения), то для женщин это соотношение иное (для возраста от 25 до 30 лет замужние дают 454,5 преступниц, а девицы 440,7; для возраста от 30 до 40 лет замужние 500, а девицы 446,2). Это обстоятельство должно находить себе объяснение в том, что со вступлением в брак женщина интенсивнее соприкасается с внешней жизнью, чем до вступления в брак.

Наконец, надо иметь в виду, что отдельные преступления распределяются неодинаково между лицами, находящимися и не находящимися в браке. Так, напр., по данным русской статистики ясно обнаруживается меньшее участие состоящих в браке лиц обоего пола в преступлениях против нравственности—их приходится на 100 осужденных 11,1 для холостых и незамужних и 2 для состоящих в браке—и в детоубийстве—4,5 для незамужних и 0,5 для состоящих в браке. Конечно, данный факт объясняется влиянием семейной обстановки. Точно также по данным германской статистики оскорбления преобладают в преступности лиц, состоящих в браке независимо от пола и возраста. Это может быть объяснено тем, что оскорбления стоят в связи с особенными условиями жизни людей, экономически необеспеченных: бесконечные ссоры и раздоры сопровождают обычно семейную жизнь лиц, живущих скученно и силою вещей принужденных вступать в тесное соприкосновение друг с другом, а это порождает их взаимные столкновения и ссоры. Далее можно подметить преобладание сравнительно более молодых людей среди женатых в области имущественных преступлений. Так, в Германии женатые мужчины в возрасте от 18 до

30 лет совершают тем более краж, чем они моложе; в особенности велико число краж в возрасте от 18 до 21 г.; после 30 лет холостые преобладают над женатыми. Это совпадает с наблюдаемым всюду явлением ранних браков среди лиц, принадлежащих к тем общественным слоям, которые являются главными поставщиками имущественных преступлений.

Что касается влияния семьи на преступность, то в этом отношении можно говорить о влиянии на преступность полученного в семье воспитания. Отсюда представление о воспитании, как об особом факторе преступности, в смысле влияния семьи или отсутствия семьи на преступность. Влияние на преступность жизни вне семьи и в семье может быть лучше всего установлено из наблюдаемого числа внебрачных детей среди преступников. Оказывается, что процент внебрачных детей среди преступников обычно значительно выше, чем среди всего населения данной страны. Так, напр., в Норвегии в 1899—1900 гг. внебрачные среди преступников составляли 12,2%, тогда как для всего населения страны они давали только 7,33%. Во Франции в 1894—1895 г.г. среди несовершеннолетних преступников было внебрачных детей свыше 11%, а среди всего населения 8,94%. Эта большая преступность внебрачных объясняется более тяжелым их положением в общей борьбе за существование, происходящим главным образом от того, что большинство таких лиц с самого раннего возраста лишено необходимого воспитания и надзора. Вообще же приходится установить, что дети, растущие вне семьи, дают больше преступников, чем те, которые воспитываются дома. Это в особенности подтверждается тем, что среди преступников замечается большое число сирот, или круглых, или же имеющих одного отца или одну мать. В Англии, напр., в 1898—1899 г.г. 17,4% всех несовершеннолетних, содержавшихся в тюрьмах, были круглыми сиротами. Конечно, общий моральный уровень семьи оказывает огромное влияние на преступность, и чем он ниже, тем естественнее ожидать преступников,

происходящих из такой семьи. То влияние, которое оказывает растлевающая обстановка семьи на подрастающее поколение, вполне понятно. Пьянство, разврат, постоянные столкновения, ссоры и распри — все это является самым неблагоприятным условием для морального развития детей, и вполне естественно, что отсутствие надлежащего воспитания или дурное воспитание должны быть указаны в числе факторов преступности.

Вторым био-социальным фактором преступности является образование. Вопрос о том, способствует ли полученное человеком образование повышению или понижению преступности является спорным, и в литературе встречаются сторонники как отрицательного, так и положительного его решения. Одни подчеркивают, что с ростом образования в стране не только не наблюдается уменьшения преступности, а, наоборот, замечается даже рост ее; они при этом исходят из того обстоятельства, что всюду образование растет, но и почти всюду преступность возрастает. Другие, напротив, находят, что чем менее культурна страна и чем меньше в ней распространено образование, тем больше в ней замечается преступлений грубого, кровавого характера; поэтому они утверждают, что преступность вообще уменьшается с развитием просвещения в стране.

Для того, чтобы дать правильный ответ на вопрос о влиянии образования на преступность, надо прежде всего иметь в виду, что если существуют параллельно друг с другом два явления, то это еще не доказывает, что одно из них обуславливает другое. Мы можем говорить, что преступность растет, несмотря на рост образования в стране, так как, очевидно, имеются такие сильные факторы, которые перевешивают благоприятное влияние образования. Образование же по самой своей сущности должно было бы иметь значение обстоятельства, парализующего, а не развивающего преступность. С другой стороны, надо принять во внимание, что самое понятие образования нуждается в ближайшем пояснении. Если образование понимается, как нечто равносильное

простой грамотности, то, конечно, нельзя еще говорить о том, что получивший такое образование является уже застрахованным от искушения впасть в преступление. Поэтому, если обратить внимание на то, какой процент преступников дают люди, получившие неодинаковое образование, и если иметь в виду отдельно получивших высшее, среднее и начальное образование, то получится более правильный ответ на вопрос о влиянии образования на преступность. Так, в России за время от 1889—1893 г.г. среди лиц, судившихся в общих судебных местах, лица с высшим образованием составляли 0,3%, со средним 0,6%, с низшим 0,9%, просто грамотные 34,7%, неграмотные же 63,5%. Таким образом, оказывается, что простая грамотность является еще сравнительно малым противодействием преступности; начальное и среднее образования уже значительно уменьшают число лиц, совершающих преступления, а высшее сокращает его до минимума. Конечно, в этом случае приходится учитывать то обстоятельство, что в общем полученное человеком образование находится в зависимости от его материального благосостояния, а, с другой стороны, оно и обуславливает последнее. В общем, параллельно с полученным человеком образованием идет и его экономическое положение. Вся масса людей неимущих не имеет возможности получить какое-нибудь образование, и огромная масса преступников, не получивших никакого образования, падает именно на эту общественную среду. С другой стороны, приходится признать, что получение высшего образования в современных условиях общественной жизни доступно людям, имеющим сравнительный достаток, дающий им возможность посвятить свое время учению, вместо того, чтобы использовать его в поисках заработка в тяжелой борьбе за существование.

В виду спорности вопроса о связи образования с преступностью, некоторые писатели пришли к заключению, что образование само по себе не должно вовсе считаться фактором преступности. Однако, если принять во внимание различные степени полученного образования

и проследить их влияние на отдельные группы преступных деяний, то придется признать, что образование или, вернее, отсутствие его или же недостаток образования несомненно оказывается одним из факторов преступности; правда, этот фактор действует совместно с другими, но нельзя отрицать его особого существования. Так, можно заметить, что среди осужденных за преступления, соединенные с насилием, процент осужденных, не получивших вовсе образования, выше среднего, а получивших какое-нибудь образование, ниже среднего. В России в период 1889 — 1893 г.г. насильственное похищение имущества составляло у неграмотных 4,1% общего числа их преступлений, у грамотных 3,5% у получивших низшее образование 1,7%, у лиц со средним образованием 0,6%; а лица с высшим образованием вовсе не были осуждены за это преступление. Наоборот, в отношении преступлений, соединенных с обманом, процент осужденных, получивших какое-нибудь образование, выше среднего, а неграмотных ниже среднего. Подлог и мошенничество в России соответственно выше приведенным группам давали 1,3%, 3,2%, 5,2%, 5,1% и 1,8% общего числа преступлений, ими совершенных. Таким образом, качество преступления находится в связи с интеллигентностью лица. Этому соответствуют и наблюдения над явлениями окружающей нас жизни. Есть преступления, которые требуют для своего совершения наличности у преступника известной суммы знаний, которыми его может снабдить школа. Так, подложный документ может составить только грамотный человек, как только грамотный может совершить клевету в письме или какое-нибудь преступление, учиняемое посредством печати.

Есть еще одна группа преступлений, в которой особенно заметно участие лиц с высшим образованием: среди них сравнительно много виновных в преступлениях против нравственности, в особенности в отношении детей; по словам одного исследователя, в Германии, среди них виновных в половых преступлениях над детьми в пять раз больше, чем виновных в таких же преступлениях

против взрослых. Конечно, мы должны сказать, что здесь оказывает свое влияние на преступность не полученное высшее образование, само по себе взятое, а социальное положение лица, которое совершает это преступление. По большей части преступления данного рода совершаются людьми более состоятельными и материально обеспеченными, а среди них число тех, которые получили высшее образование, конечно, выше, чем среди лиц неимущих.

В качестве самостоятельного фактора преступности должна быть упомянута, далее, профессия. В этом отношении надо прежде всего отметить, что профессия оказывает свое влияние, главным образом, на характер и форму преступной деятельности. При этом приходится установить, как общее правило, то, что чем ниже социальное положение человека, тем больше его участие в преступлениях. Большую долю вносят в участие в преступлениях лица, не имеющие определенных занятий, среди которых видное место занимают нищие, бродяги и тунеядцы. С другой стороны, надлежит отметить особенно высокую преступность среди лиц воинского звания. По вычислению Ломброзо, она в 25 раз выше преступности невоенных. Это находит себе объяснение в постоянном ношении военными оружия, которое легко и удобно может быть пущено в ход, в возрасте виновных, так как военные в массе люди молодые, притом большинство их приходится на тот возраст, в котором вообще наблюдается максимум преступности, в скученности их в тесном помещении казарм и, наконец, в привычке к пролитию крови во время войны.

Рассматривая отдельные преступления в связи с профессией, можно заметить известное преобладание некоторых из них у лиц, принадлежащих к определенным профессиональным группам. Так, у торговцев преобладают мошенничество, ростовщичество и злоупотребление доверием, у земледельческого населения кражи и телесные повреждения, у промышленных рабочих те же преступления и, кроме того, сопротивление властям, у

прислуги кража, хотя число преступлений этого рода, совершаемых прислугой, не выше того, которое соответствует ее процентному отношению к общему составу населения, у лиц либеральных профессий—преступления против нравственности; в последней сфере эти лица превосходят лиц всех остальных профессий.

Интересно, вместе с тем, указать на распределение по отдельным преступлениям лиц, принадлежащих к разным профессиям. Так, напр., главная масса лиц, совершающих убийство во Франции,—нищие, бродяги, проститутки и вообще лица, не имеющие определенных занятий, в Италии—рабочие, ремесленники, поденщики, тогда как лица либеральных профессий принимают в нем сравнительно ничтожное участие. В области религиозных преступлений в России было заметно сильное участие лиц, занятых земледелием: для всех вообще преступлений эти лица давали 49,7% общего числа осужденных, а для преступлений религиозных 63,3%. В Австрии половые преступления занимают у чиновников, ученых и представителей свободных профессий второе место, у капиталистов и домовладельцев—четвертое, а у рабочих, занятых в промышленности, и у поденщиков—пятое. В частности можно указать, что по данным русской статистики в области противоестественного полового преступления—мужеложства—рабочие показывают такую же преступность, как и в других преступлениях, тогда как для адвокатов, медиков, техников, художников, учащихся и т. п. преступность в данной сфере превышает их общую преступность в 5 раз. С другой стороны, если для лиц более высокого привилегированного сословия (дворян, духовенства, почетных граждан и мещан) эта преступность была значительно выше нормы, то для крестьян она, наоборот, была на 12% ниже их общей преступности.

В числе био-социальных факторов преступности следует указать еще один фактор, проявляющий также преимущественное свое влияние не на количественной стороне преступности, а на качественной, на особом ее характере—местожительство. В общем приходится при-

знать, что городское население почти вдвое преступнее, чем сельское. И чем больше город, тем преступнее его население. Это вполне понятно. Большие города создают больше соблазнов, которые заставляют человека забывать сдерживающие стимулы и бросаться в омут преступности. Если сравнить преступность Германии по отдельным ее местностям, то можно увидеть следующее. Наибольшую преступность дает Берлин, где на каждые 10000 населения приходится 168,2 осужденных; далее идут города с населением свыше 300 тысяч, они дают 159,7 осужденных; за ними следуют города с населением от 100 до 300 тысяч—они дают 156,9 осужденных, между тем вся остальная Германия дает лишь 107,5 осужденных на то же число. О размерах преступности Парижа можно судить по тому, что одна шестая часть всей преступности несовершеннолетних во Франции приходится на долю Парижа. Но не так интересна количественная разница между городской и сельской преступностью, как качественная. Между этими двумя видами преступности существует такая разница, что знаменитый французский социолог Тард предлагал вообще классифицировать преступность по двум группам—городской и сельской. И действительно городская и сельская преступность дают неодинаковую картину в отношении отдельных категорий преступлений. Так, данные русской статистики показывают, что преступления против имущества преобладают в городах, а преступления против личности, хотя и не в такой степени,—в деревнях. В течение 1893—1899 г.г. преступления против имущества составляли для города 48,29%, а для уезда 27,02% всего числа преступлений, тогда как преступления против личности давали для города 13,05%, а для уезда 30,90%. В частности убийство в деревне составляет 6,32% всего числа преступлений, в городах 2,92%, в столицах же 2,89%, а телесные повреждения дают в деревне 21,07%, в городах 9,28%, в столицах же 6,25%. Наоборот, кража в деревнях составляет 21,75% общего числа преступлений, в городах 42,36% и столицах 52,67%.

Нельзя при этом не учитывать того обстоятельства, что многие виды преступлений почти неизвестны и недоступны деревне, как, с другой стороны, есть преступления, которых почти не знает город. Изнасилования и посягательства на целомудрие детей преобладают, напр., в городах, тогда как поджог и детоубийство, наиболее простые и грубые преступления, встречаются преимущественно в деревне. С другой стороны, такие преступления, как мошенничество и посягательства на правосудие падают чаще на город. Наконец, надо отметить то, что рецидивисты встречаются, главным образом, в крупных городах.

Все приведенные данные показывают, что в действительности физиономия городской и деревенской преступности не представляется одинаковой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вторую группу социальных факторов образуют те причины преступности, которые лежат в условиях окружающей нас социальной жизни, независимо от положения в ней личности человека,— социальные факторы в тесном смысле.

Эти факторы для удобства рассмотрения, в свою очередь, могут быть разбиты на три группы. Первая группа может быть просто охарактеризована как язвы современной социальной жизни—это алкоголизм, проституция, нищенство и бродяжество, народное невежество и суеверие, азартные игры. Вторая группа—это особенности государственного и социального строя, вытекающие из неправильного или ненадлежащего разрешения задач современной культуры,—цивилизация вообще, религия, законодательство, школа, порядок отбытия наказаний, печать, зрелища и увеселения. Третью самостоятельную группу образуют особенности экономического строя, факторы экономические, которые сводятся к экономическому неравенству, порожденному существованием

права собственности, и проявляются особенно рельефно в жилищном вопросе, промышленных кризисах и ценах на хлеб.

Из язв современной социальной жизни особенно видное значение имеет алкоголизм,—этот страшный бич современности. Алкоголизм ведет к вырождению масс, вызывая на свет рахитиков, уродов, идиотов и неврастеников, сокращает продолжительность человеческой жизни и способствует развращению людей, в особенности подрастающего поколения. Развитие пьянства в современной жизни, все увеличивающееся потребление алкоголя, питается несомненно той материальной и умственной нищетой, которая, в свою очередь, вызывается существующими экономическими отношениями. Было бы, однако, ошибочным и односторонним все сводить здесь исключительно к экономическим условиям. Пьют богатые, пьют и бедные. Бывает „трезвая нищета“ и „пьяный достаток“. В этом отношении достаточно привести, напр., с одной стороны, евреев прежней черты оседлости, живших в крайней нищете и ведших трезвую жизнь, а, с другой, немецких студентов—буршей, происходящих из зажиточных семейств и проводящих дни в попойках и кутежах. Вместе с тем, приходится считаться с тем фактом, что повышение заработной платы повышает алкоголизм среди рабочих.

Самое влияние алкоголизма на преступность бывает или посредственное и косвенное, или же непосредственное и прямое. Косвенное его влияние проявляется в наследственной передаче от привычки к употреблению алкоголя дефектов нервной системы, а потому и в духовном оскудении и вырождении. Если проследить влияние алкоголизма на преступность, то можно убедиться, как велик среди потомства алкоголиков процент людей, неприспособленных к жизни. В виде примера для исследования было взято 10 семей испьющих и 10 семей пьющих. Оказалось, что в первых было 50 нормальных детей, 7 преждевременно умерших, 2 слабоумных и 2 с врожденным уродством; во вторых же всего только

9 нормальных детей, 24 преждевременно умерших и 22 слабоумных, уродов и эпилептиков. Понятно, что от пьющих родителей происходят дети, легко сбивающиеся на путь преступления уже в силу своей неспособности к жизни благодаря полученным от дефектных родителей особенностям физической и психической организации. Как велико число преступников, происходящих от родителей алкоголиков, можно судить по следующим данным: в итальянских тюрьмах, по наблюдениям Ломброзо, 27% заключенных—дети алкоголиков; в швейцарских исправительных заведениях для несовершеннолетних преступников половина всех содержавшихся (в 1884 г.) происходила от родителей алкоголиков. С другой стороны, влияние алкоголизма сказывается в том, что родители алкоголики не могут дать надлежащего воспитания своим детям, которые остаются без всякого надзора и попечения; их родиной становится улица; дома же они видят один тлетворный пример, особенно вредно действующий на слагающийся характер человека. Наконец, нельзя не учитывать того, что алкоголизм порождает, помимо морального, материальное оскудение, так как страсть к пьянству влечет за собой тяжелое экономическое состояние, разорение, потерю места и заработка. Деклассированный вследствие пьянства человек очень легко становится преступником, так как потребность в алкоголе и отсутствие для ее удовлетворения средств заставляют его совершать разные преступления и прежде всего кражи.

Все это косвенное влияние алкоголизма на преступность, но не менее велико непосредственное его влияние. Оно проявляется в том, что человек под влиянием принятого алкоголя, в состоянии опьянения, совершает разные преступления. В этом отношении надо различать алкоголиков привычных и случайных. Первые—скорее больные люди, нередко граничащие с ненормальными субъектами. Вторые же—люди нормальные, но они представляются не менее опасными именно потому, что мы имеем здесь дело с таким явлением, бороться с которым

очень трудно. Те данные, которые имеются относительно связи, существующей между преступностью и алкоголизмом, т. е. относительно числа лиц, совершивших преступление в связи с пьянством, показывают, что огромная масса преступлений должна быть поставлена на приход алкоголизму. По отдельным странам эти данные варьируются в соответствии с большим или меньшим потреблением алкоголя в той или другой стране. Так, число преступников-алкоголиков по отношению к общему числу преступников составляет во Франции 66,4%, в Бельгии 45—50%, в Англии свыше 50%, в Шотландии 80%, в Голландии 75—80%, в Северо-Американских Штатах 72%, в Дании 31%; для России имеются весьма неполные сведения—так, из всех подсудимых в петроградском окружном суде за время 1883—1898 гг. было 47% пьяных при совершении преступления или вообще пьяниц. При этом обращает на себя внимание тот факт, что женщин-алкоголичек в общем меньше, чем мужчин-алкоголиков. Так, для Германии соответствующие числа: 43,9 и 18,1, для Швейцарии 42 и 31, для Швеции 71,2 и 11, для Петрограда 49,09 и 35,15. Вместе с тем, наблюдается большое число алкоголиков среди несовершеннолетних; так, во Франции среди них пьющих 59,1%. Наконец, большое число алкоголиков обнаруживается среди рецидивистов. Во Франции их оказывается 75,8%. Самая связь, существующая между преступностью и алкоголизмом, наглядно обрисовывается в следующих фактах. В Ирландии потребление алкоголя с 1838 по 1841 г. уменьшилось почти вдвое, а преступность за это время сократилась почти в 15 раз. В Норвегии с 1843 по 1879 гг. потребление алкоголя сократилось почти втрое, а преступность уменьшилась почти в полтора раза. С другой стороны, в Брюсселе с 1868 по 1888 гг. число питейных заведений увеличилось почти вдвое, а преступность за это время увеличилась больше, чем в пять раз. В кантоне Во потребление алкоголя выше, чем в других кантонах Швейцарии, и, соответственно этому, преступность этого кантона выше, чем преступность других кан-

тонов Швейцарии (28⁰/₀ всего числа преступников в Швейцарии падает на этот кантон).

Если затем обратиться к рассмотрению влияния алкоголизма на отдельные преступления, то можно заметить, что преступления против личности находятся в большей зависимости от этого фактора, чем преступления против имущества. Так, по германской статистике оказывается, что наибольший процент алкоголиков падает на осужденных за преступления против нравственности (77⁰/₀), сопротивление властям (76,5%), телесные повреждения (63,4%), нарушения домашнего мира (54,2%); наоборот, осужденные за преступления против имущества дают для кражи 32% и для мошенничества 25% алкоголиков. При этом надо еще обратить внимание на то, что распределение преступников алкоголиков по отдельным категориям дает неодинаковую картину, если принять во внимание привычных и случайных пьяниц. Соотношение между этими двумя категориями в отдельных преступлениях по германской статистике показывает следующее. Осужденные за нарушение домашнего мира дают случайных алкоголиков 94% и привычных 6%, за сопротивление властям 89⁰/₀ и 11⁰/₀, за телесные повреждения 81,1⁰/₀ и 18,9⁰/₀, за преступления против нравственности 73,3⁰/₀ и 26,7⁰/₀, за кражу 63,5⁰/₀ и 36,5⁰/₀, за мошенничество 57⁰/₀ и 43⁰/₀. Из этих данных видно, что в общем случайных алкоголиков среди преступников больше, чем привычных, но для имущественных преступлений число случайных пьяниц значительно меньше. Как можно судить также и по другим данным, число привычных алкоголиков среди осужденных за имущественные преступления числа случайных выше. Так, в Германии среди тяжких преступников, отбывавших наказание в каторжных тюрьмах, наибольший процент алкоголиков падал на совершивших телесные повреждения (75⁰/₀); из них на долю случайных приходилось 73⁰/₀ и привычных 27⁰/₀, тогда как для осужденных за кражу, среди которых алкоголики составляют вообще 52⁰/₀, оказывается случайных 48⁰/₀ и привычных 52⁰/₀; то же при-

ходится сказать относительно осужденных за поджог, среди которых 48^{0/100} алкоголиков, распределение же их по категориям случайных и привычных такое же, как и среди осужденных за кражу. Очевидно, в тех преступлениях, которые совершаются, главным образом, в состоянии возбуждения, аффекта, случайное опьянение играет большую роль, чем в тех, которые в общем совершаются не в аффекте, а в хладнокровном состоянии духа, а такими являются имущественные преступления. Их скорее совершает привычный алкоголик, чем случайный. Как видно из приведенных данных влияние алкоголизма — особенно заметно проявляется в отношении телесных повреждений. С особенной наглядностью это можно установить из сопоставления телесных повреждений по отдельным дням недели. По статистике, касающейся преступности Цюриха за 1891 г., оказывается, что там на воскресенье падает 60 случаев телесных повреждений, на понедельник 22, на субботу 18 и на все остальные дни недели, вместе взятые, 25. То же подтверждается и производившимися в других городах наблюдениями. Здесь ясно видно, что в те три дня недели, в которые больше всего пьют, замечается и максимум телесных повреждений. С этим можно сопоставить тот факт, что запрещение торговли спиртными напитками в Норвегии в воскресные дни, имело своим последствием то, что этот день из самого преступного стал самым спокойным. Наконец, надо отметить, что немало преступлений совершается в обстановке питейных заведений, что также подчеркивает связь алкоголизма с преступностью. Из 1115 случаев телесных повреждений, совершенных за 1900—1904 г.г. в Гейдельберге, 742 было учинено в питейном заведении, 86 в жилом помещении, 98 на улице и 87 на работе. Все приведенные данные наглядно рисуют роль алкоголизма, как фактора преступности.

Другим фактором преступности, относящимся к той же категории отрицательных явлений современной социальной жизни, является проституция. Проституция так же стара, как само общество. Она существовала и

тогда, когда она преследовалась суровыми карами, существует и теперь, когда прежняя точка зрения на необходимость бороться с нею при помощи наказаний исчезла.

Проституция является фактором преступности в том отношении, что она представляется профессией, располагающей женщину к преступности; она притупляет в женщине моральное чувство и ведет ее постепенно к нравственному вырождению. С другой стороны, существует вполне естественная близость между классом преступников и классом проституток. Нередки случаи, когда преступник, в особенности рецидивист, принадлежащий к подонкам общества, оказывается в тесном общении с проституткой, которая работает на него. Вору-рецидивисты особенно часто являются „котами“ или „альфонсами“, живущими на счет проститутки. Эта опасная близость профессии проститутки к профессии вора несомненно делает проститутку укрывательницей чужих преступлений, а вместе с тем нередко и соучастницей в них. Наконец, не следует упускать из виду, что самая профессия проститутки открывает ей легкий путь к имущественным преступлениям, в особенности к кражам. Известно, что существует особый вид кражи, который специально совершается проституткой или ее сообщником—кража у заснувшего или приведенного в бессознательное состояние посетителя проститутки, так называемое хипесничество. Конечно, главным обстоятельством, располагающим женщин к проституции, является нужда, так что и здесь мы встречаемся со всемогуществом экономического фактора, но нельзя думать, что нужда является единственным стимулом к проституции. Погоня за удовольствиями и стремление к легкой, нетрудовой, разгульной жизни толкает на путь проституции и таких женщин, которые вовсе не находятся в тяжелом экономическом положении. Что же касается интенсивности участия проституток в преступности, то она не одинакова в отдельных странах. В Италии, напр., проститутки составляли 1,5% всех осужденных (1891 — 1896 г. г.), во Франции 5%

(1891—1895 г.г.), в Германии 17,2% (1885 г.), в Англии почти 60% (1858—1864 г.г.), при чем всюду замечается их преобладающее участие в кражах и вымогательствах.

В качестве фактора преступности необходимо далее отметить нищенство и бродяжество, т.-е. снискивание себе средств к существованию прошением милостыни и переход из одной местности в другую без определенных занятий. Рост нищенства и праздношатайства за последнее время повсюду является угрожающим. Так, в Бельгии за четверть века оно увеличилось почти вдвое, во Франции население за полвека возросло на одну пятую, а нищенство увеличилось в 4 раза, в частности в Париже население в течение периода 1886 — 1891 г.г. увеличилось на 4,1%, а нищенство за это время возросло на 23,1 %. Причины, толкающие людей на путь нищенства и бродячества, разнообразны: и вырождение, и декласация, и потеря трудоспособности вследствие болезни, и леность, и нежелание трудиться, и невозможность найти себе работу, и материальная нужда, и отсутствие знания какого-нибудь ремесла — все это должно быть упомянуто в качестве причин нищенства и бродячества. Таким образом, если бывают, так сказать, добровольные нищие, не желающие вообще трудиться и предпочитающие трудовой жизни праздную и полную лишений и приключений жизнь, то, с другой стороны, и случаи эти в современном социальном строе встречаются особенно часто—мы видим, что на путь нищенства и бродячества толкают людей общие условия социальной жизни, тяжелое экономическое состояние, отсутствие заработка при тщетной погоне за ним, или наконец, отсутствие возможности кормиться плодами рук своих в деревне.

Значение нищенства и бродячества, как фактора преступности, проявляется прежде всего в том, что нищенство—это часто первый этап к совершению преступлений. Несомненно, что у лиц, занимающихся нищенством, наблюдается нравственная неустойчивость, притупленность морального чувства и подчас неспособность к труду вследствие продолжительной отвычки трудиться.

С этой точки зрения и подходят современные законодательства к данному явлению, рассматривая нищенство, как потенциальную преступность; как явление, опасное для общежития, нищенство преследуется и наказывается. Впрочем, за последнее время все настойчивее проводится мысль о том, что это деяние должно влечь за собой не наказание, а особые меры общественной защиты, что нашло себе выражение в отдельных законодательствах, напр., в бельгийском. Степень участия нищих и бродяг в общей преступности страны видна из следующих данных. Во Франции бродяги в 50 раз чаще совершают преступления, чем лица, имеющие постоянную оседлость. В Германии из общего числа заключенных (3181), подвергнутых специальной анкете, 42,3% выразили свое полное отвращение к труду, при чем процент таких лиц среди осужденных за отдельные преступления представляется неодинаковым: для преступлений против имущества он выше, чем для преступлений против личности; так, он составляет для кражи 52%, для мошенничества 42%, для поджога 31%, для преступлений против нравственности 26,7%.

Несомненно важным фактором преступности является, далее, народное невежество или суеверие, т. е. отсутствие в массе населения просвещения, минимально потребного в современной общественной жизни, и в частности проистекающие отсюда суеверные представления и суждения. Чем выше культура страны, тем меньше влияние этого фактора. Его значение во многих странах в настоящее время совершенно незначительно; в Германии большая редкость преступления, совершенные под влиянием этого фактора, но, напр., в России и отчасти в Италии (особенно в южных провинциях) он еще недавно играл большую роль. Этот фактор фигурирует, напр., в случаях убийств людей, подозреваемых в сношениях с нечистой силой,—ведьм и колдунов. В несколько другом виде он сказывается в убийстве лиц медицинского персонала во время эпидемий по подозрению их в отравлении колодцев и вообще распространении эпидемии;

подобные случаи в нашей еще недавней истории холерных эпидемий встречались весьма часто. Он проявляется далее в случаях убийств, совершенных из религиозного фанатизма: у нас еще недавно вызвало огромный интерес дело о раскольниках, замуровавших себя (в терновских скитах) из желания уклониться от участия в первой всероссийской переписи. Народное невежество и суеверие проявляются, наконец, в убийствах уроков и в разрытии могил, производимом для похищения каких-нибудь вещей умершего не с корыстной целью, а для того, чтобы иметь у себя какой-нибудь амулет, обладание которым может содействовать совершению задуманного преступления. Конечно, по самому существу данного фактора его влияние на преступность не может быть установлена точными статистическими данными, как это имеет место в отношении других факторов, но это обстоятельство само по себе не подрывает факта его существования в ряду других.

Наконец, приходится отметить влияние еще одного фактора, который, правда, имеет более ограниченное значение по сравнению с только-что приведенными, но, тем не менее, по крайней мере, в некоторых странах, действительно является одной из язв общественной жизни — страсть к азарту. Карточные азартные игры, рулетки, лоттереи (напр., в Италии, в Австрии), тотализаторы (напр., в России) несомненно являются фактором преступности. Сюда же следует отнести всюду распространенную биржевую игру, ажиотаж, игру на повышение и понижение разных ценных бумаг. Стремление сразу сделаться богатым человеком при помощи разного рода азарта очень распространено в современном обществе. И к этому побуждает людей не только нужда, но часто просто страсть к наживе и вместе с тем жажда сильных ощущений. Главным образом, этот фактор обнаруживает свое влияние в сфере имущественных преступлений. Немалое количество краж и в особенности растрата чужого имущества совершается под влиянием этого фактора. Очень часто тот, кто совершает это преступление, предпо-

лагает покрыть недочет в чужом имуществе, который он сделал, растратив чужие деньги, выигрышем, но страсть к игре его засасывает, его стремление отыграться или выиграть еще больше увлекает его, и он оказывается не в состоянии выкарабкаться из этой ямы, в которую попал.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Переходя к следующей группе социальных факторов, которую образуют особенности государственного и социального строя, вытекающие из негравильного или ненадлежащего разрешения задач современной культуры, нужно сказать—что данные явления сами по себе, в противоположность только-что приведенным, не представляются вовсе язвами или теневыми сторонами современной социальной жизни; напротив, по самому своему существу они должны бороться со всеми несовершенствами жизни, в том числе и с преступностью, но так как очень часто при практическом осуществлении известной идеи допускается ее извращение или отступление от надлежащего ее проведения, и так как те учреждения, в которых должна находить себе выражение эта идея, нередко создаются так, что они искажают ее в практическом ее применении, то приходится признавать многие положительные стороны современной культуры и ее ценные завоевания источником происхождения ряда разнообразных преступлений.

С такой точки зрения можно говорить, как о факторах преступности, о цивилизации вообще, о религии, о законодательстве, о порядке отбытия наказания, о школе, о прессе, о зрелищах и увеселениях.

Влияние цивилизации на преступность—факт, не подлежащий сомнению. Почти повсюду приходится констатировать рост преступности вместе с ростом культуры. Под влиянием роста культуры изменяется характер преступности, но она сама по себе не исчезает. Мало того, приходится признать, что с постспенным ходом культуры появляются даже новые виды и формы преступности. Напр.,

до того развития, которое имеет в современных государствах печать, шантаж, как особая форма преступной эксплуатации, не был вовсе известен. Пресса дала возможность использовать, и притом весьма широко, эту форму вымогательства, так что шантаж несомненно всецело связан с ростом культуры. В тех странах, в которых пресса развита сравнительно слабо, это преступление встречается редко. Напротив, там, где печать играет действительно роль „шестой“ великой державы, шантаж является весьма опасным посягательством на интересы личности. С другой стороны, нельзя не учитывать того факта, что культурный прогресс, сказывающийся между прочим в росте технических усовершенствований и всякого рода открытий и изобретений, вызывает появление таких преступлений, которые не были известны тогда, когда культура данной страны находилась на менее высоком уровне своего развития. Стоит только указать на то, что в настоящее время немало преступлений совершается при помощи использования электрической энергии, хотя бы, напр., кражи со взломом из несгораемых шкафов. Нечего и говорить, что наблюдаемые в настоящее время новые формы мошенничества, весьма тонкие и виртуозные, порождены особенностями современной культуры. Нашумевшее несколько десятилетий тому назад знаменитое дело Эмберов в Париже носит на себе яркий отпечаток этой культуры. Наконец, нужно считаться с тем, что современная культура, вызывая вырождение масс, неприспособленных к быстрому темпу ее движения вперед, и создавая кадры неврастеников, способствует росту преступности.

Но если мы говорим, что цивилизация является одним из факторов преступности, то это не значит, что мы должны приписывать цивилизации, как таковой, в целом, значение подобного фактора. Мы можем говорить, что преступность растет, несмотря на рост цивилизации. Преступность питается не цивилизацией, как таковой, не светлыми сторонами культуры, а теневыми, неизбежно присущими ей на ряду со светлыми, в виду особенностей со-

временного социального строя, и лишь постепенно исчезающими под влиянием исчезновения этих особенностей. Прогресс в развитии культуры должен быть несомненно сопряжен с устранением всех тех отрицательных явлений, которые способствуют развитию преступности. В одном своем сочинении Тард говорит: „природа не творила человеческих глаз для чтения и письма и пристального рассматривания предметов на расстоянии 20 сантиметров; отсюда частая близорукость, распространяющаяся по мере развития знаний, но это недостаточный повод, чтобы сжечь наши книги: нужно заметить, что зрение, в конце концов, приспосабливается к своим новым обязанностям“. То же надо иметь в виду, когда приходится говорить о цивилизации, как о факторе преступности. Человечество постепенно приспособится к быстрому темпу развития цивилизации; и теневые ее стороны, столь неизбежные по самому ходу ее развития и вызывающие преступность, постепенно будут парализоваться светлыми ее сторонами.

Религия, в качестве фактора преступности, представляется чем-то парадоксальным. Религия по самой своей сущности должна исключать возможность делать такое сопоставление. Но, тем не менее, факты показывают, что в известных условиях религия может способствовать возникновению преступлений. Прежде всего это приходится сказать о разных изуверных учениях, которые идут в разрез с требованиями современных этических воззрений. Но и помимо этого можно утверждать, что отдельные догматы господствующих в настоящее время религий могут иметь значение фактора преступности, влияющего на нее или, по крайней мере, ей не противодействующего. Ломброзо, напр., указывает, что существующее в католической церкви учение о прощении грехов в случае сделанного пожертвования в пользу церкви утвердило немало искренно верующих в их решимости совершить преступление. Конечно, можно при этом соглашаться с теми, кто говорит, что в данном случае не религия сама по себе является непо-

средственно фактором преступности, а обстоятельства, частью сопровождающие исповедание того или иного учения, частью являющиеся извращением или гипертрофией религиозного чувства—именно они оказывают свое вредное влияние. Однако, эта поправка лишь более точно указывает на то, что именно в области религии может способствовать появлению преступности, но, собственно говоря, она не исключает религии из числа факторов преступности.

Законодательство в качестве фактора преступности представляется не менее парадоксальным, чем только-что выдвинутое положение о том, что религия может вызывать преступность. Законодательство призвано бороться с преступностью и действительно борется с нею. Но эта борьба только тогда приводит к желательному результату, когда она поставлена разумно. Нередко бывают, однако, случаи, когда закон и жизнь разошлись друг с другом. Тогда закон вместо того, чтобы быть тормазом и помехой преступности, может содействовать ей. И, конечно, в законодательстве любой страны можно указать ряд таких норм, которые вместо того, чтобы искоренять стимулы к совершению преступлений, создают их. Сколько преступлений порождают отжившие правовые определения, уже потерявшие свой прежний смысл! Чтобы далеко не ходить за примерами, стоит только указать на существовавшие в нашем недавнем прошлом ограничения, касавшиеся еврейского населения. Немало преступлений разного рода, в частности мошенничеств, взяточничеств и подлогов, создавала пресловутая черта оседлости. Закон настолько не соответствовал потребностям жизни, что нарушения его становились нормальными явлениями и вызывали новые преступления. Вообще же приходится констатировать тот факт, что чем сильнее вообще опека государственной власти над личностью гражданина, достаточно уже выросшего и окрепшего, чем больше опутана его личность всякими оковами в интересах государства, тем больше эти стеснения являются побуждением к преступлениям разного рода.

Таким же фактором преступности может оказаться и порядок отбывтия наказаний. Наиболее распространенное в настоящее время наказание, лишение свободы, покоится на представлении о том, что человек, совершивший преступление, может быть исправлен и перевоспитан путем заключения его в соответственное учреждение с определенным режимом. Разумеется, надлежаще организованный тюремный режим может во многом содействовать исправлению преступника в смысле привития ему таких мотивов поведения, которые вызываются потребностями общежития. Однако, во многих государствах тюремное дело поставлено настолько несовершенно, что вместо пользы оно приносит один вред. Если современную тюрьму очень часто вполне правильно именуют школой преступности, то это показывает, что в жизни уже подмечено, как порядок отбывтия наказания может способствовать росту преступности. И, действительно, нерационально поставленная тюрьма силой вещей должна способствовать росту преступности и прежде всего росту рецидива. В самом деле, если заключенные, осужденные за самые разнообразные преступления и весьма несходные по своему характеру и по степени вкоренелости в них преступных склонностей, содержатся вместе друг с другом по системе так назыв. совместного заключения и не разобщаются друг от друга ни во время работ, ни для ночлега, если притом не прилагается никаких забот о том, чтобы занять их каким-нибудь полезным трудом, то, несомненно, такая система наказания способна содействовать усилению препреступности в стране. Более опытные преступники начинают в таком случае оказывать свое вредное влияние на менее опытных, в особенности на новичков, в тюрьмах заводятся такие связи и знакомства, которые могут пригодиться и сослужить свою службу впоследствии на воле. В особенности заметно это вредное влияние в отношении несовершеннолетних, как менее способных сопротивляться всякому злу. Таким образом плохо организованная и поставленная тюрьма, без сомнения, может сказаться фак-

тором преступности. С другой стороны, если тюрьма и хорошо поставлена, но отбывший в ней наказание по своему освобождению оставляется без всякой помощи и попечения, то это тоже может быть основанием для новых его преступлений. Не нужно забывать, что современное общество сторонится того, кто побывал в тюрьме, и если переход от тюрьмы к свободной жизни на воле обставлен так, что ничего не делается, чтобы дать возможность освобожденному найти себе подходящий заработок и соответственный его знаниям и способностям род занятий, то он легко может снова оказаться на преступном пути, а затем и в той тюрьме, откуда его только что освободили. Наконец, таким же обстоятельством, содействующим возникновению преступности, может быть система правопоражений, которая в том или ином объеме сопровождает отбытие наказания. Лишенный прав иногда прямо толкается на путь совершения преступлений, если благодаря этому наказанию он не может устроиться в жизни по-новому. Словом, плохо организованный порядок отбытия наказаний способен растить преступность вместо того, чтобы искоренять ее.

Фактором преступности в таком же смысле, как это было установлено в отношении только что рассмотренных явлений, можно назвать и школу. Конечно, школа является средством борьбы с преступностью, так как, просвещая ум человека и сообщая ему известный запас знаний, она тем самым создает в человеке стимулы для борьбы с соблазнами совершить преступление. Но все это справедливо лишь в отношении школы, надлежащим образом поставленной. Если школа поставлена дурно, если она находится в состоянии развала, если столь необходимая для нее дисциплина из нее улетучилась, то она очень легко может превратиться в фактор преступности, в частности детской. Влияние в школе товарищей друг на друга очень велико, а дурное влияние всегда скорее сказывается, чем хорошее. Подражание злему—явление, обычное среди подрастающей молодежи.

Такую же роль фактора преступности при известных условиях может исполнять и печать. Печать—могучее средство прогресса: свобода печати дает возможность обществу освобождаться от тех зол, которые при ее не-свободе пышно расцветают в нем. При молчании печати растут и множатся преступления, так как обличать и раскрывать их перед общественным мнением нельзя. В частности злоупотребления органов власти только тогда могут если не вовсе прекратиться, то значительно сократиться, когда деятельность этих органов будет находиться под бдительным надзором печати. Всякие попытки искоренить служебные злоупотребления при помощи наказаний бесплодны и бесполезны, если эти злоупотребления не делаются достоянием печати. Свобода печати поэтому есть безусловное требование современной социальной жизни. Но если печать играет такую видную положительную роль, то нельзя не отметить и те теневые ее стороны, которые вызывают преступность определенного рода, и с которыми необходимо бороться теми или иными средствами и способами. Несомненно отрицательно влияет на общество, преимущественно же на подрастающее поколение, порнографическая литература. Она развращает население, в особенности молодежь, поражает в нем безнравственные инстинкты и тем понижает его общий моральный уровень, содействуя таким образом его падению. Таково же влияние так назыв. лубочной литературы, в которой обыкновенно грубо, со стремлением к внешним, дешевым эффектам изображается совершение преступления, нередко даже и с известным восхвалением преступника, как какого-то выдающегося героя. С другой стороны, описания похождения разных сыщиков, знакомство по этим похождениям с миром кровавых преступлений точно также производит весьма вредное действие на слагающийся характер человека. Подражание героям прочитанных лубочных романов встречается в жизни чаще, чем это принято думать. Наконец, такое же вредное влияние оказывает желтая, бульварная пресса с ее так назыв. скандальной хро-

никой, где описываются наиболее сенсационные преступления со всеми их деталями и подчас с таким смакованием самого факта преступления, что нередко случаи, когда описания учиненных преступлений вызывали стремление к подражанию преступнику. И чем более склонен данный субъект к преступлению, тем более оказывает на него влияние подобные произведения печати. Словом, нездоровая атмосфера, создаваемая злоупотреблениями в пользовании печатным словом, в основе которых лежит погоня за сенсацией и жажда наживы, вызывает рост преступности. В этом именно смысле и можно называть печать среди прочих факторов преступности.

Наконец, подобным же фактором преступности может оказаться театр и вообще всякого рода зрелища и развлечения. Театр—фактор прогресса, но только тогда, когда подбор пьес, ставящихся на сцене, делается разумно и сознательно. Если пьесы выбираются без всякого разбора, только из-за погони за наживой, для того, чтобы привлечь в театр побольше народа и тем дать возможность владельцу его разбогатеть, то знакомство с такими пьесами может иметь только отрицательное значение. Порнографические и лубочные пьесы, которые всегда привлекают к себе особенное любопытство толпы, конечно, могут причинять только один вред. В особенности это приходится сказать относительно кинематографа, увлечение которым есть явление, особенно резко наблюдающееся в наши дни. Широковещательные, кричащие афиши кинематографов, ярко освещенные их подьезды привлекают к себе массу алчущих посмотреть что-нибудь особенно сенсационное, и выбор пьес кинематографа может иметь большое влияние на развитие преступных склонностей, в особенности опять-таки у молодежи. Зрелище картин пошлых и кровавых, изображающих преступления со всеми их подробностями, часто было школой для преступника. Здесь он учился, как совершить преступление, им задуманное или такое, на которое его натолкнул кинематограф, наглядно изобразив его во всех деталях. Не лишено интереса указать,

что, по вычислению одного немецкого исследователя, специально производившего соответственную анкету среди несовершеннолетних преступников, одна четвертая часть преступности детей, впервые судившихся, так или иначе связана с кинематографом. Такое же значение фактора преступности имеют танцклассы, сильно развитые в больших городах, и тому подобные увеселения, которые прежде всего способствуют разврату, а затем и тому, что человек оказывается на скользком пути преступления.

Конечно, влияние всех только-что рассмотренных явлений на рост в развитие преступности не может быть подтверждено какими-нибудь точными статистическими данными, так как учесть их среди прочих явлений жизни при помощи статистики пока еще не представляется возможным, но наблюдение над окружающей нас повседневной жизнью указывает нам на связь, которая имеется между ними и преступностью. Всякий, изучающий социальную жизнь, непременно должен констатировать эту связь и остановиться на выяснении ее значения. Она на многое может открыть ему глаза.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Последнюю группу факторов преступности представляют те, которые покоются на особенностях современного экономического строя—факторы экономические. Уже не раз, при рассмотрении других факторов преступности, приходилось указывать на ту роль, какую играет, наряду с тем или иным из них, и фактор экономический. На этот фактор обратили свое внимание еще представители утопического социализма, задумывавшиеся над причинами зол общественной жизни. Так, Т. Мор указывал на то, что кража обусловлена существованием права собственности. По его учению, стоит только устранить частную собственность, и исчезнет кража.

Экономическим факторам, как сказано было уже выше, некоторые писатели пытались придавать исключительное

значение, указывая на то, что к ним сводятся все причины преступности. Но уже весь предыдущий анализ факторов преступности показывает нам, что при изучении причин преступности нельзя игнорировать всего того многообразия явлений, которые, переплетаясь друг с другом, действуя совместно, вызывают преступность вообще или преступность данного рода. Как ни незначительно влияние таких факторов, как температура воздуха, мы не можем отрицать существования их. С другой стороны, мы должны сказать, что с уничтожением капиталистического строя, покоящегося на частной собственности, еще не исчезнут те преступления, которые направляются на имущество, не говоря уже о других преступлениях, в которых особенно заметно влияние не экономического, а других факторов. Обобществление орудий производства и уничтожение частной собственности еще не уничтожат понятия чужого для нас имущества. Имущество делается предметом обладания коллектива, а не индивида, но соблазн воспользоваться в своих интересах чужим имуществом может возникнуть и тогда, когда это имущество будет принадлежать всему коллективу; в этом случае изменится только природа имущественных преступлений, которые из области преступлений против частных лиц перейдут в разряд посягательств на интересы коллектива - государства, подобно тому, как еще недавно это устанавливалось в разных кодексах в отношении преступлений против государственной казны, которые рассматривались под несколько иным углом зрения, чем посягательства на имущество частных лиц. Современная русская действительность показывает нам, что с переходом к социалистическому строю имущественные преступления не изменились в своем внешнем виде и не сократились в своем объеме..

Экономические факторы сводятся к имущественному неравенству: бедность одних, богатство других являются причиной преступности. Капиталистический строй вызывает широкую пролетаризацию масс, благодаря которой

оказывается все более и более таких лиц, которые неприиспособлены к борьбе за существование. Вследствие постоянно испытываемых лишений во всем необходимом, постоянного недоедания, не прекращающихся забот о завтрашнем дне, постепенно подрываются физические и духовные силы человека, он выбивается из обычной жизненной колеи и попадает на скользкий путь порока и преступления. Поэтому понятно, что чем ниже заработная плата, тем больше преступность; с другой стороны, понятно и то, что там, где промышленность более развита, выше и преступность, так как сильное развитие промышленности в современном капиталистическом строе влечет за собой постоянно наблюдаемые промышленные кризисы, влекущие за собой обеднение массы населения. В этом отношении любопытно указать на то, что в пределах б. Российской империи преступность имела особенно сильное развитие в б. Царстве Польском, промышленный рост которого стоял выше, чем в других частях России.

Имущественное неравенство представляется настолько общепонятной причиной многих преступлений, в особенности имущественных, что на доказательстве существования этого фактора не стоило бы и останавливаться, если бы не то обстоятельство, что в литературе встречается довольно парадоксальный взгляд, будто нужда сама по себе не является фактором преступности. Этот взгляд выставляет, напр., известный итальянский криминалист, представитель антропологической школы Гарофало. По его мнению, в современном обществе всякий желающий трудиться (исключая случаев промышленных кризисов) может получить работу, или же взамен ее он получает благотворительную помощь. Преступность же происходит не от бедности, как таковой, а от недостаточности у человека энергии и от его стремлений к удовольствиям. Пролетариат характеризуется полным отсутствием капитала, но подобное состояние не составляет ничего особенного для того, кто к этому привык. Затруднения возникают только для того, кто имеет потребности, ко-

торых он не может удовлетворить при посредстве своего заработка (а это возможно и для человека богатого, если вместо заработка говорить о доходе). Не трудно видеть в этих рассуждениях ряд софизмов: поскольку говорится о нужде богатых и бедных, выражение „нужда“ употребляется в разных смыслах; с другой стороны, употреблять выражения „доход“ и „зарботок“, как равнозначные, совершенно недопустимо. Еще резче та же точка зрения проводится французским криминалистом Жоли. Он прямо говорит, что не нужда заставляет человека совершать преступление, а лень, дурное поведение и еще чаще желание полакомиться; недовольство своим положением, а не нужда, сама по себе взятая, влияет на преступность. В этих рассуждениях заслуживает внимания только подчеркивание того, что не нужда, сама по себе, влияет на преступность. Действительно, то противоречие, которое устанавливается в современном обществе экономическим неравенством между богатыми и бедными, покоящимся на эксплуатации одних другими, а не нужда, сама по себе, является причиной преступности. В самом деле, не только нужда, бедность, но и богатство, достаток может быть причиной преступности. Различны только те непосредственные причины, которые толкают людей совершать преступления. Бедный борется за существование, и нередко инстинкт самосохранения и поддержания своей семьи заставляет его идти на преступление. Богатый увлекается страстью к наживе. Он знает, что при помощи денег он может купить почти всех и почти все, вместе с тем, в силу своего экономического положения, он может эксплуатировать бедного—поэтому сфера его преступности будет несколько иной, чем сфера преступности бедняка. Те преступления, которые совершаются посредством денег—сфера преступности людей состоятельных; те же преступления, которые совершаются из-за денег,—преимущественная сфера преступности бедняка.

Статистика всех стран наглядно показывает, как велик процент преступников, имущественное положение кото-

рых оказывается совершенно неудовлетворительным. В Италии в 1889 г. бедные составляли 77,58% общего числа преступников, имеющие минимум необходимого 13,34%, средне-зажиточные 6,12% и богатые 2,8%. В Австрии в 1896 г. совершенно необеспеченные составляли 86,7%, мало обеспеченные 13%, обеспеченные 0,3%. В Швейцарии в 1896 г. совершенно необеспеченные составляли 81,8%, люди со средним достатком 9,7%, обеспеченные 5%. В Пруссии в 1905 г. 77% общего числа преступников, содержащихся в каторжных тюрьмах, составляли люди, жившие в нищете. Особенно рельефно проявляется преступность людей разного достатка по отдельным преступлениям, при чем можно видеть, что участие людей, материально обеспеченных, во всех вообще преступлениях ничтожно, соотношение же совершенно необеспеченных и мало обеспеченных изменяется в зависимости от отдельных преступлений. В области имущественных преступлений первые имеют значительное преобладание, при чем чем сложнее данный вид преступления, тем оно меньше; в области же преступлений против личности это преобладание выражено менее резко. Так, в Австрии в 1899 г. за кражу было осуждено мужчин: совершенно необеспеченных 92%, мало обеспеченных 7,8% и обеспеченных 0,2%, за вымогательство соответственно 86,2%, 13,5% и 0,3%; за мошенничество 74%, 23,6% и 1,6%, за убийство 73%, 26,7% и 0,3%.

Влияние экономического фактора особенно наглядно проявляется во взаимоотношении жилищного вопроса и преступности. Условия жизни в дурных негигиенических жилищах, в подвалах, углах, на чердаках, в которых обычно живут люди неимущие, действуют развращающе на население. Благодаря скученности населения в тесных квартирах, неминуемо происходят ссоры и личные столкновения прежде всего на почве пользования занятым помещением, а это приводит к преступным деяниям. С другой стороны, скученность заставляет детей рано познавать жизнь во всей ее наготе. Влияние примера старших в этом отношении особенно тлетворно для моло-

дежи. Наконец, все растущая дороговизна квартир поглощает большую часть бюджета рабочего и тем способствует его пролетаризации, что опять-таки приводит его к преступному пути. Прав поэтому был известный немецкий криминалист Лист, когда он говорил, что хороший закон о рабочих жилищах имеет большее значение в борьбе с преступностью, чем дюжина уголовных законов. Влияние квартирного вопроса на преступность особенно ярко бросается в глаза, если сопоставить преступность с распределением населения по отдельным кварталам города. Оказывается, что чем беднее данный квартал, тем больше его преступность. Так, в Лозанне на каждые 1000 человек населения приходилось 11% преступников, между тем как на самый бедный квартал приходилось их 24,9%, на самый же богатый всего лишь 2,5%. В Мадриде почти половина населения беднейших кварталов находилась под судом в течение 1895—1897 г.г. По наблюдениям русских исследователей, в Москве кража и оскорбление особенно сильно развиты там, где наименее благоприятны жилищные условия.

Наглядным показателем значения экономического фактора в области преступности служит сопоставление промышленных кризисов, с одной стороны, и преступности, с другой. Промышленные кризисы возникают тогда, когда спрос оказывается ниже предложения, и характеризуется тем, что масса рабочих выбрасывается на улицу из-за сокращения производства. Промышленные кризисы влекут за собой безработицу, и вполне понятно, что лица, выброшенные из своей обычной жизненной колеи и оказавшиеся на улице без куска хлеба, притом весьма часто имея на руках многочисленную семью, наполняют собою ряды преступников. При ухудшении общего экономического положения влияние нужды становится особенно наглядным и ясным. Стоит только проследить развитие кризисов в течение определенного периода, как мы увидим их отражение на преступности. В Германии, напр., произошел промышленный кризис в 1891 г. и тянулся до 1895 г.; за этот период преступность повыси-

лась на 12⁰/₀ выше прироста населения, и 1892 г. показывает самое сильное повышение ее. За период 1896—1900 г. г. в общем экономическое положение улучшилось, и это отражается на понижении преступности. В отношении к приросту населения она за это время ниже, чем в 1895 г. на 3⁰/₀. Затем в 1900 г., происходит новый кризис, и в следующем году он снова сказывается на повышении преступности. В 1903 г. положение улучшается, и вслед затем наблюдается понижение преступности. Как видно из приведенных данных, влияние кризисов проявляется преимущественно в следующем за ними году. Это объясняется тем, что сначала расходуются те сбережения, которые были накоплены в годы сравнительного благосостояния, и лишь после того, как они иссякают, избирается преступный путь, а, с другой стороны, надо иметь в виду, что оптовые цены идут впереди розничных.

Если промышленные кризисы отражаются ярко на преступности масс, при чем растет число преступлений, совершаемых рабочими, то другим показателем значения экономического фактора в области преступности является то влияние на преступность, прежде всего земледельческого класса, которое оказывает постигший страну неурожай и связанное с ним повышение цен на хлеб. Как бы ни была развита промышленность в стране, неурожай и повышение цен на хлеб сказывается на всем ее населении, так как не надо забывать, что хлебные цены имеют большое значение в бюджете рабочего: в рабочем хозяйстве шестая часть бюджета идет на хлеб. Самый факт недоедания, который является последствием неурожая, имеет роковое значение прежде всего в том отношении, что он ослабляет силу сопротивления в борьбе за существование; отсюда вполне понятно усиление преступности. К тому же приходится наблюдать неумение масс сразу приспособиться к изменившимся обстоятельствам жизни.

Для иллюстрации влияния цен на хлеб на преступность можно привести следующие данные. В период

с 1835 по 1865 г.г. в Баварии каждое вздорожание цены на хлеб на 6 пфенигов вызывало одну лишнюю кражу на каждые 100000 жителей и, наоборот, каждое понижение хлебных цен на 6 пфенигов устраняло по одной краже на то же число жителей. Это влияние, вполне естественно, всего более отражается на краже и укрывательстве похищенного. Из современных государств Россия, как страна экономически наиболее отсталая, с наименее развитым капиталистическим хозяйством и по преимуществу земледельческая, должна особенно ясно показывать влияние на преступность неурожаев, которые в ней представляют нечто в роде хронических болезней, время - от - времени получающих особенное обострение. В 1880—1881 г.г. цены на хлеб в России вздорожали, и мы видим, что число имущественных преступлений—краж, грабежей и разбоев повысилось почти на 20% по сравнению с предыдущим периодом. В 1885—1890 г.г. замечается значительное понижение цен на хлеб и, вместе с тем, параллельное понижение преступности. 1888 г. показывает самые дешевые цены на хлеб и, вместе с тем, минимальное число преступлений. Напротив, в 1891—1892 г.г. возникает в стране страшный неурожай, появляется и голод, повышаются цены на хлеб, и в соответствии с этим имущественные преступления достигают своего максимума. И здесь приходится наблюдать то же, что мы видим в отношении промышленных кризисов. Повышение преступности в зависимости от цен на хлеб сказывается преимущественно на следующий после повышения цены год, при чем и здесь имеют значение сделанные ранее запасы и сбережения, а также тот факт, что розничные цены отстают от оптовых.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Анализ факторов преступности показывает нам, что преступность имеет весьма разнообразные причины. Существуют, очевидно, законы, управляющие этим явлением. Современная наука еще не настолько продвину-

лась вперед в данной области, как, впрочем, и в других областях социологии, чтобы наметить их. Но рано или поздно и здесь, надо надеяться, удастся установить на основании определенных данных такую же закономерность, как это установлено в области явлений окружающей нас природы. Однако, и при теперешнем состоянии учения о факторах преступности мы можем сказать, что в области преступности, там, где раньше предполагалось простое проявление свободной воли человека, приходится учитывать зависимость его деятельности от ряда причин, лежащих за пределами свободного его усмотрения.

ЛИТЕРАТУРА:

Чубинский, „Курс уголовной политики“. Изд. 2-е. 1921 г.

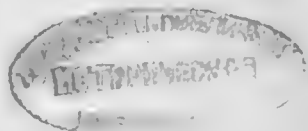
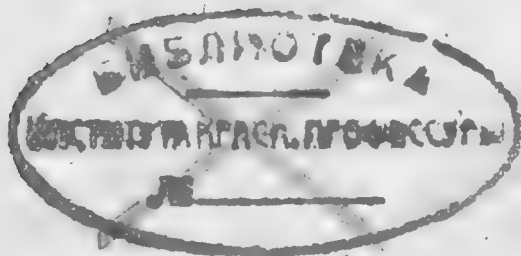
Гернет, „Социальные факторы преступности“. 1906 г.

Гернет, „Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества“ (в сборнике „Итоги науки“. 1915 г.

Чарыхов, „Учение о факторах преступности“. 1910 г.

Ашаффенбург, „Преступление и борьба с ним“ (перевод с немецкого). 1906 г.

Ферри, „Уголовная социология“ (перевод с французского). 1908 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
ГЛАВА ПЕРВАЯ.—Понятие преступления.	3
ГЛАВА ВТОРАЯ.—Факторы преступности и их классификация. . .	11
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.—Космические факторы преступности.—Темпера- тура воздуха и климат страны	16
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.—Индивидуальные факторы преступности.— Особенности личности преступника, раса, пол, возраст . .	19
ГЛАВА ПЯТАЯ.—Социальные факторы преступности.—Факторы биосоциальные: семейное положение, образование, профес- сия, местожительство	29
ГЛАВА ШЕСТАЯ.—Социальные факторы в тесном смысле.—Язвы современного общественного строя: алкоголизм, Prostitu- ция, нищенство и бродяжество, народное невежество и суеверие, азартные игры.	40
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.—Особенности государственного и социального строя. Цивилизация, религия, законодательство, порядок от- бытия наказания, школа, печать, зрелища и увеселения . .	50
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.—Факторы экономические.—Имущественное не- равенство и другие особенности капиталистического строя .	58

Издательство „Мир Знаний“.

Петербург. Таврическая 15, кв. 8.

Проф. А. А. ЖИЖИЛЕНКО:

„Преступность и ее факторы“.

„Наказание и его цели“.

„Борьба с преступностью прежде и теперь“.

Д-р мед. М. С. МОРОЗОВ:

„Дефективные дети“.

С. М. ХЛЫТЧИЕВА:

„Детская преступность и ее факторы“.

Проф. Ф. А. ВАЛЬТЕР:

„Социально-правовая охрана материнства и
младенчества“.

„Охрана труда“.

Проф. М. Я. ПЕРГАМЕНТ:

„Гражданский брак“.

Проф. Я. М. МАГАЗИНЕР:

„Государство и его функции“.

Проф. В. Н. БЕНЕШЕВИЧ:

„Государство и церковь“.

